

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
КРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

VIII-IX-АВГУСТЪ - СЕНТЯБРЬ - 1932.

ПАРИЖЪ

Н О В Ы Я К Н И Г И

(ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ ВЪ ЮЛѢ):

	Долл.		Долл.
Проф. П. М. БИЦИЛЛИ. — Хрестоматія по русской литературѣ. Ч. II. ХУІІІ вѣкъ	0.50	П. Ю. ЗУБОВЪ. — Сказка объ Алешѣ, его игрушкахъ, кискѣ, воробышкѣ и сѣромъ зайчикѣ (съ иллюстраціями)	0.60
Проф. Н. К. КУЛЬМАНЪ. — Какъ учить нашихъ дѣтей русскому языку	0.50	В. КЕЛЬСІЕВЪ. — Москва и Тверь. Историческая повѣсть временъ владычества татаръ	0.80
Проф. М. Л. ГОФМАНЪ. — Русское правописаніе. Практическое руководство для школьнаго и внѣшкольнаго обученія русскому языку	0.12	Н. А. БЕРДЯЕВЪ. — Генеральная линия въ совѣтской философіи и воинствующій атеизмъ	0.15
		Журналъ «ПУТЬ» № 34	0.60
		Журналъ «НОВЫЙ ГРАДЪ» № 4 ...	0.40

Всѣ книги изд. YMCA-PRESS можно выписывать черезъ Контору Вѣстника Р.С.Х.Д.

„THE STUDENT WORLD“

«СТУДЕНЧЕСКІЙ МІРЪ».

Органъ Всемирной Христіанской Студенческой Федерациі

(на англійскомъ языкѣ).

Вышелъ послѣдній (4) № журнала «Студенческой Мірѣ».

Общая тема № — «Конецъ буржуазнаго мірочувствія».

№ посвященъ выясненію того, почему современное студенческое поколѣніе относится отрицательно къ буржуазному идеалу жизни.

Въ № помѣщены статьи молодыхъ социалистовъ, фашистовъ, національ-соціалистовъ.

№ даетъ чрезвычайно интересный и сдержательный матеріалъ для ознакомленія съ настроеніями и взглядами современнаго студенчества.

Выписывать можно чрезъ «Вѣстникъ» или непосредственно изъ редакціи «Студенческой Мірѣ» — 13, Rue Calvin, Geneva, Switzerland.

Подписная плата на годъ 5 шв. фр. или 1 долл.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 8-9 (1932)

Парижъ, 1 сентября	3
Процессъ Митрополита Веніамина	4
О мотивахъ отчужденія отъ христіанства — Н. Лосскій	16
Фаустъ и Перъ Гюнтъ. — В. Н. Ильинъ	19
Послѣ сѣзда въ Менюль	26
Въ Пюхтикомъ монастырѣ	31
Послѣ сѣзда. — Прот. С. Четвериковъ	33
«Витязи» и «Дружиницы» въ Прибалтикѣ	36
Сѣздъ дѣтей въ Калугинѣ	37
Печеры	38

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Парижъ, 1-го сентября 1932 г.

Въ ночь съ 12 на 13 августа 1922 года были разстрѣляны Митрополитъ Петроградскій Веніаминъ, архимандритъ Сергій (Шейнъ), И. М. Ковшаровъ, Ю. П. Новицкій. Десять лѣтъ прошло со дня смерти мучениковъ за вѣру Христову. Десять лѣтъ въ наши дни — огромный срокъ. Пережитое за это время отодвинуло отъ насъ, сдѣлало давнимъ то, что совершилось совсѣмъ недавно, на нашихъ глазахъ. Десятилѣтіе со дня мученической кончины убиенныхъ за Христа зоветъ преодолѣть власть времени, тяжесть наслоенной пережитого послѣ, оживить нетлѣнную красоту жизни и подвига, положившихъ жизнь за Христа.

30 марта 1930 года въ Сергіевскомъ подворіи, по почину Сергіевского Братства, было устроено собраніе, посвященное памяти Митрополита Веніамина. Я. С. Гуровичъ — защитникъ Митрополита во время процесса — рассказалъ собравшимся о томъ, что видѣлъ, слышалъ, о томъ, что творилось вокругъ него. Я. С. Гуровичъ говорилъ болѣе пяти часовъ подрядъ. И никто не замѣчалъ времени, никто не чувствовалъ утомленія. Когда, по истеченіи двухъ часовъ, предсѣдатель собранія предло-

жилъ сдѣлать перерывъ, и говорившій, и слушавшіе отказались. Казалось, прошло не два часа, а нѣсколько минутъ.

Помѣщаемая въ этомъ № «Вѣстника» статья о процессѣ м. Веніамина, представляетъ собою краткую запись этого изумительнаго, незабываемаго доклада. Передать всю силу живого повѣствованія участника событій, мастера слова, благоговѣйнаго почитателя покойнаго Митрополита, конечно, невозможно. Запись представляетъ только какъ бы нѣкоторое слабое эхо того, что и какъ говорилъ Я. С. Гуровичъ объ изумительной красотѣ духа, силѣ вѣры и жертвенной любви тѣхъ, кого судили и предали на смерть.

Митрополитъ Веніаминъ и убиенные съ нимъ — люди не далекихъ, кажущихся намъ особенными, героическими, вѣковъ, а наши современники. Подвигъ ихъ и послѣдующихъ мучениковъ русской церкви — залогъ надежды, призывъ къ мужеству и готовности на все во имя Христа.

«Поминайте наставниковъ вашихъ — заповѣдуетъ ап. Павелъ — и, взирая на кончину ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ» (Евр. 13,7).

Процессъ Митрополита Веніамина

(къ 10-лѣтню со дня смерти Владыки).

(13. VIII. 22 — 13. VIII. 32).

Россія въ 21-22 годахъ — взбаламученное море. Церковь еще свободна. Среди всеобщаго разоренія и голода храмы полны огней, куреній фиміама, возносятся торжественныя моленія. Контрастъ такъ великъ, что даже холодкомъ вѣяло. Вѣковая связь духовенства и народа, казалось, порвалась. Голодомъ 21-22 г. г. воспользовались большевики для борьбы съ Церковью. Борьбу повели подъ демагогическимъ лозунгомъ — «изъятіе церковныхъ цѣнностей для нуждъ голодающихъ». Большевики сами прекрасно знали, что церковныя цѣнности, при всей ихъ значительности, въ ликвидаціи голода не могли имѣть существеннаго значенія. Они, прикрываясь этимъ лозунгомъ, стремились къ другимъ цѣлямъ. Голодъ всколыхнулъ народныя массы, начались волненія въ красной арміи, надо было направить негодованіе по другому руслу. Съ этой цѣлью и выдвинули обвиненіе противъ Церкви и духовенства.

Кромѣ того, большевики хотѣли, такъ сказать, прощупать пульсъ отношенія народа къ Церкви и вѣрѣ, выяснить силу и степень возможнаго сопротивленія при открытомъ столкновеніи Церкви и большевицкаго государства.

Расчитывали они въ процессѣ борьбы съ Церковью выявить и тѣ группы, тѣхъ лицъ, которыя въ будущемъ столкновеніи могли быть опасными и, воспользовавшись случаемъ, заблаговременно изъять ихъ.

Большевики учитывали и то, что среди духовенства есть элементы болѣе или менѣе искренне недовольные существующимъ церковнымъ порядкомъ. И уже за-

думали, опираясь на нихъ, вызвать церковный расколъ.

Большевики шли къ намѣченной цѣли съ осторожностью гада, подползающего къ своей жертвѣ. Въ газетахъ появились крикливыя, демагогическія статьи относительно огромныхъ запасовъ цѣнностей, хранящихся въ церквахъ и монастыряхъ. Выдумки о баснословныхъ сокровищахъ, спрятанныхъ въ церквахъ и монастыряхъ, упали на благопріятную почву. Въ дѣйствительности, когда собранныя церковныя цѣнности были реализованы, — получили не больше 10 или 11 миллионѣвъ рублей.

Затѣмъ появилось письмо Введенскаго, обвинявшаго духовенство въ жестокосердіи; наконецъ, декретъ, предписывавшій пожертвовать церковныя сокровища на помощь голодающимъ, съ угрозой, что въ противномъ случаѣ церковныя цѣнности будутъ изъяты силою.

Демагогическая подоплека декрета ясна. Согласно декрету объ отдѣленіи Церкви отъ государства, всѣ церковныя цѣнности уже принадлежали государству. Государство приглашало жертвовать то, что имъ же уже было отбрано. Власть учитывала то, что декретъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства психологически не былъ воспринятъ, былъ забытъ. Власть тоже «забыла» объ этомъ декретѣ, для того, чтобы изобразить духовенство въ качествѣ злостныхъ укрывателей цѣнностей въ минуту народнаго бѣдствія. Вся Россія всколыхнулась, готовясь отдать все для помощи голодающимъ. Въ этомъ движеніи совпали и народный порывъ, и желаніе духовенства снять съ Церкви

и съ себя клевету и разрушить басни большевиковъ.

Декретъ привелъ не къ тѣмъ результатамъ, какихъ добивались. Сов. власть, понявъ, что ошиблась въ расчетахъ, поспѣшила исправить ошибку. 14-1-22 былъ опубликованъ новый декретъ, суть котораго сводилась къ тому, что церковное имущество — наше, и мы его изъедемъ. Было ясно, что дѣло не въ обращеніи церковныхъ цѣнностей на дѣло помощи голодающимъ, а въ томъ, чтобы ударить по религиозному чувству. Изъятіе церковныхъ цѣнностей сопровождалось беспорядками, нигдѣ, однако, не переходившими въ серьезныя возстанія. Большевики воспользовались этими беспорядками для «устрашенія»: былъ созданъ рядъ «показательныхъ процессовъ», нѣсколько человекъ разстрѣляно. Такова была обстановка, предшествовавшая созданію процесса Митр. Веніамина Петроградскаго. Теперь нѣсколько словъ о лицахъ, связанныхъ съ процессомъ, объ общей обстановкѣ.

М. Веніаминъ пользовался огромной извѣстностью, главнымъ образомъ, среди рабочихъ. Простой народъ его, дѣйствительно, обожалъ. «Нашъ батюшка Веніаминъ», «нашъ Веніаминъ» — такъ звалъ его народъ. Когда при временномъ правительствѣ происходило избраніе для замѣщенія петроградской митрополичьей кафедры, высшіе слои церковнаго общества выдвинули кандидатуру епископа Андрея (кн. Ухтомскаго). Избраніе его, казалось, было обезпечено. Но за три дня до срока, назначеннаго для выборовъ, неожиданно всплыло имя еп. Веніамина. Онъ получилъ большинство голосовъ. Трудно въ простыхъ и ясныхъ словахъ достаточно сильно передать, что за человекъ былъ митрополитъ Веніаминъ. Простое, кроткое лицо, тихій свѣтъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, тихій голосъ, свѣтлая улыбка, все освѣщавшая,

полная таинственнаго веселія и вмѣстѣ — постоянной грусти. Весь его обликъ такъ дѣйствовалъ на душу, что невозможно было сопротивляться его обаянію. Митрополитъ Веніаминъ не былъ выдающимся мыслителемъ. Не былъ онъ, кажется, и специалистомъ по многимъ тонкимъ и сложнымъ вопросамъ вѣры, церковной жизни. Но у него была огромная душа, огромная свѣтлая вѣра и огромное спокойствіе. «Страшно, боишься, говорили тѣ, кто встрѣчались съ нимъ, — а подоидешь къ Владыкѣ, успокоишься, страхъ и сомнѣніе куда-то ушли». Не былъ онъ и организаторомъ, не отличался и краснорѣчіемъ. Говорилъ коротенько и все какъ будто бы простыя слова, а на его проповѣди собирались тысячи людей. Каждое слово свѣтилось, трепетало, въ немъ отражалась вся сила духа митрополита, и слушавшіе падали къ его ногамъ, цѣловали края его одежды. Митрополитъ обладалъ поразительной, рѣдкостной, абсолютной аполитичностью. Это не значило, что его не трогало все, совершавшееся кругомъ. Онъ беззавѣтно любилъ Родину, свой народъ, но это не колебало его аполитичности. Всѣ слабы, всѣ грѣшны; большевики, совершающіе такъ много зла, еще болѣе слабы и грѣшны; ихъ слѣдуетъ особенно пожалѣть: такъ можно — не полно — выразить основное настроеніе владыки. Доброта, кротость, пониманіе человѣческой души, какъ бы грѣшна она ни была, принятіе ея въ самыхъ послѣднихъ глубинахъ паденія — таковъ былъ митр. Веніаминъ въ отношеніи къ человекѣ. Онъ вѣрилъ въ искру Божію въ человекѣ. Настолько все въ немъ было необычно, что сейчасъ иногда даже кажется, что это было что-то нереальное, какое-то свѣтлое видѣніе другой дѣйствительности... прошло, коснулось души и ушло.

Священникъ А. И. Введенскій, сыгравшій такую отвратительную роль въ про-

цесѣ, — потомъ дѣятель обновленческаго раскола, митрополитъ - благовѣстникъ, членъ обновленческаго синода, былъ духовнымъ сыномъ митр. Веніамина. Владыка ему покровительствовалъ, выдвигалъ. И именно Введенскій первый предалъ Митрополита.

Введенскій, надѣленный незаурядными талантами. умѣлъ свою гнусную ярость превращать въ перлы краснорѣчія. Онъ казался самымъ опаснымъ среди свидѣтелей противъ Митрополита Веніамина. Защитѣ нужно было найти слабые мѣста свидѣтеля. Во время длинныхъ свиданій съ Митрополитомъ Я. С. Гуровичъ не разъ говорилъ Митрополиту: «Мы должны опасаться свящ. Введенскаго. Вы его знаете. Укажите, какъ къ нему подойти, къ этому опаснѣйшему врагу?». «Вы его не знаете? — отвѣчалъ вопросительно Митрополитъ. — Жаль, жаль. Введенскій — прекрасный проповѣдникъ. Совѣтую послушать».

Какъ Митрополитъ относился къ изъятію церковныхъ цѣнностей? Для него и вопроса тутъ никакого не было — рѣчь шла о спасеніи голодающихъ — значитъ нужно отдать все до послѣдней ниточки. То, что среди этихъ цѣнностей были предметы священные, это не смущало его. Онъ любилъ священныя вещи, образа, повидимому, былъ знатокомъ и цѣнителемъ живописи, но отдавалъ легко, какъ мать отдаетъ обручальное кольцо для спасенія ребенка — легко и радостно. Онъ полагалъ, что церковныя цѣнности должны быть отданы не въ порядкѣ изъятія, а въ порядкѣ жертвы. «Это — Богово, и мы все отдадимъ сами. И въ этомъ великое утѣшеніе для вѣрующаго».

Въ дѣлѣ обращенія церковныхъ цѣнностей на помощь голодающимъ онъ требовалъ контроля духовенства и вѣрующихъ; требовалъ не потому, чтобы не вѣрилъ, а потому, что считалъ, что разъ вѣрующая масса все отдаетъ въ вольномъ

подвигѣ, то именно вѣрующіе и должны сопровождать церковныя сокровища до послѣдняго момента, когда они превратятся въ хлѣбъ для голодающихъ.

Онъ жилъ великой мечтой. Храмы полны народа, возносящаго молитву. Съ амвона раздается призывъ къ жертвоприношенію. Народная масса вдохновенно съ духовенствомъ, съ митрополитомъ идетъ на подвигъ. Церковь будетъ нищей, но безмѣрно прекрасной въ своей нищетѣ.

Онъ не зналъ, что пройдетъ нѣсколько недѣль, и мечты будутъ растоптаны.

Духовенство, въ общемъ вело себя сдержанно, робѣло. Забитое, оно боялось выдвигаться, съ готовностью уходило въ исполненіе своихъ непосредственныхъ обязанностей. Осуждать духовенство за это было бы тяжкимъ грѣхомъ. Было время, когда героизма можно было требовать. Но понятіе обыкновеннаго героизма развѣ примѣнимо къ тому, что совершается тамъ, въ Совѣтской Россіи? Мученики, великіе страдальцы прошлаго, гибли средь бѣлаго дня, зная, что о нихъ молятся, зная, что они свидѣлствуютъ, исповѣдуютъ свою вѣру, что самыя мученія ихъ говорятъ о побѣдѣ.

Въ Россіи хватаютъ ночью Человѣкъ исчезаетъ. Еще не умершій, становится уже мертвымъ. Сиди въ каменномъ мѣшкѣ, стучи, кричи — кругомъ только безмольные товарищи по несчастью, истощившіеся въ безплодныхъ попыткахъ сказать, что они еще живы, впавшіе въ апатію. Надо удивляться не тому, что мало героевъ, а тому, какъ мало отступниковъ.

Возникновеніе процесса Митр. Веніамина связано съ дѣятельностью существовавшего въ Петроградѣ «Общества объединенныхъ православныхъ приходовъ». «Общество объединенныхъ православныхъ приходозъ» — легальное, совершенно невинное. Среди членовъ были люди, глубоко, всегда вѣровавшіе, были и такіе, что прежде отступили отъ вѣры, а сей-

часть, подь вліяніемъ потрясеній, вновь вернулись къ вѣрѣ, были и просто уставшіе жить. Такъ велики были страданія, что въ общество потянулись только для того, чтобы найти возможность отдыха. Была ли въ дѣятельности общества политика? Нѣтъ. Занимались вопросами мелкими — гдѣ достать деревяннаго масла, какъ регулировать продажу свѣчей. Несмотря на мелочность вопросовъ, общество имѣло огромное значеніе — удовлетворяло потребности подышать свѣжимъ воздухомъ хотя какой-нибудь общественности.

Что касается собирательной личности — народа, массы вѣрующіихъ, то она волновалась, подозрительно относилась къ духовенству, не простила ему ни одного слова, обвиняла въ слишкомъ большой уступчивости совѣтской власти. Даже Митрополита Веніамина не щадили, собирались демонстративно выразить ему неудовольствіе. Духовенство скрывалось отъ массы. Тысячная масса была смѣла — она чувствовала, что въ морѣ людскомъ даже большевики не смогутъ выловить «нежелательный элементъ». Духовенство было между молотомъ и наковальной.

Теперь нѣсколько словъ о «властяхъ придерживающихъ» въ эпоху, когда разыгрывались эти событія. Въ составѣ петроградскаго совѣта не было людей имѣвшихъ вліяніе. Всѣ, кромѣ Зиновьева, были люди средняго калибра. Зиновьевъ же держался въ сторонѣ. Петроградскій совѣтъ искренно и наивно истолковывалъ декретъ центральной власти объ «изыятіи цѣнностей» какъ выраженіе желанія получить цѣнности, и только. Онъ избралъ особую комиссію «Помголь» *). Настроеніе было не веселое. Отовсюду шли извѣстія о беспорядкахъ и бунтахъ; населеніе Петрограда волновалось. Среди вѣрующіихъ играли огромную роль рабочіе,

заявлявшіе, что костыми лягутъ, а церковныхъ цѣнностей не отдадутъ. «Помголь» искалъ путей къ мирному разрѣшенію вопроса объ изыятіи церковныхъ цѣнностей. На бѣду «Общества объединенныхъ приходоу», кто-то довелъ до свѣдѣнія «Помгола» о существованіи общества. «Помголу» казалось, что общество должно имѣть корни среди вѣрующіихъ, что черезъ него можно добиться мирнаго изыятія цѣнностей. «Помголь» направилъ въ общество спеціальнаго эmissара. «Общество» — психологически — почувствовало себя нѣкоторой силой. «Мы сдѣлаемъ вамъ, а вы — намъ... Распечатайте храмы, разрѣшите преподаваніе Закона Божія»... «Помголь» пошелъ навстрѣчу. 5 марта 1922 года Митрополитъ Веніаминъ, во время служенія въ Исаакіевскомъ соборѣ, получилъ приглашеніе явиться на засѣданіе «Помгола». Владыка, когда онъ прибылъ, приняли торжественно, предоставили ему слово. Владыка вынулъ приготовленное заявленіе и попросилъ позволенія его огласить. Православная Церковь, — говорилъ онъ въ заявленіи, — печалась о нуждающихся, готова все отдать для помощи голодающимъ, но если церковныя цѣнности будутъ изыматься насильно, можетъ быть кровопролитіе. Да и самъ онъ, какъ вѣрующій усматриваетъ въ насильномъ изыятіи цѣнностей* кошунство, никогда его не разрѣшитъ. Предсѣдатель «Помгола» — Канатчиковъ — въ отвѣтъ на заявленіе Владыки сказалъ теплую рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому, что готовность Церкви помочь голодающимъ поведетъ къ созданію благожелательнаго отношенія къ духовенству со стороны совѣтской власти, что онъ и въ будущемъ рассчитываетъ на помощь Владыки. Создалось совершенно не «засѣдальное», теплое настроеніе. Владыка всталъ. За нимъ встали всѣ. Тогда Митрополитъ заговорилъ. Говорилъ простыя вещи: «Тяжело пере-

*) «Помощь голодающимъ».

живеть народъ горе — изъятіе цѣнностей, но это лишь одна изъ тягостей жизни. Гораздо большая тяжесть — существующая политическая рознь и вражда.

Но бываютъ минуты, когда раздѣленные души сливаются въ порывѣ любви. Вѣрить, что встрѣча, происшедшая на засѣданіи «Помгола», — прообразъ, что будетъ время, когда сольются воедино русскіе люди. «Настанетъ день и часъ, — закончилъ онъ, — и я самъ во главѣ молящихся пойду въ храмъ, сниму ризы съ иконы Божіей Матери Казанской, сладкими слезами оплачу ихъ и отдамъ»... Кончивъ, онъ широкимъ крестомъ благословилъ всѣхъ. И большевики — члены «Помгола» — склонились предъ нимъ, съ непокрытыми головами провожали до подъѣзда.

Въ «Обществѣ православныхъ приходовъ», въ связи съ событіями на засѣданіи «Помгола», создалось радостное настроеніе: трудности, казалось, уладились. Въ одной изъ петроградскихъ газетъ появился панегирикъ въ честь Митрополита Веніамина. Отмѣчая жертвенность, обнаруженную Митрополитомъ, авторъ панегирика говорилъ о томъ, что народилось подлинное христіанство, поднявшее знамя вѣры, примирившее съ собой самыя враждебныя христіанству слои коммунистической партіи. Даже «Извѣстія» помѣстили хвалебную статью въ честь Митрополита. Идиллія длилась нѣсколько дней. Центральныя власти не того хотѣли — «Помголь» долженъ былъ вызвать столкновеніе и свалить вину на духовенство. Между Москвой и Петроградомъ начались переговоры. Когда черезъ нѣсколько дней уполномоченные Митрополита явились для переговоровъ, обстановка была уже иная, ихъ встрѣтили новые люди. «Никакихъ переговоровъ, никакихъ жертвъ. Все принадлежитъ власти, и она возьметъ свое, когда сочтетъ нужнымъ. Духовенство должно лишь при-

звать къ спокойной сдачѣ». Митрополитъ, узнавъ о новомъ оборотѣ дѣла, былъ глубоко возмущенъ. Въ своемъ моральномъ авторитетѣ онъ видѣлъ опору противъ провокаціоннаго столкновенія, а большевики уничтожили эту возможность. Онъ послалъ на двухъ листахъ заявленіе «Помголу», гдѣ, указавъ всѣ возможныя послѣдствія, говорилъ, что онъ обратится къ вѣрующимъ съ призывомъ не оказывать сопротивленія при изъятіи цѣнностей, но благословить этотъ актъ, какъ коштунственный, онъ не можетъ. Прошло нѣсколько дней. Начали описывать церковныя цѣнности, начались беспорядки. «Помголь» молчалъ.

24-III въ «Красной Газетѣ» за подписью 12 лицъ, между ними — свящ. Красническаго и Введенскаго — появилось письмо. Въ письмѣ, написаномъ очень рѣзко, говорилось, что духовенство вообще, и петроградское въ частности, объято контръ-революціонными настроеніями, что оно, пользуясь удобнымъ моментомъ, хочетъ оттянуть сдачу цѣнностей. Авторы письма требовали немедленной сдачи.

Письмо оправдывало совѣтскую власть. Петроградское духовенство было обезкуражено. Обвиненіе въ контръ-революціи грозило серьезными послѣдствіями. Состоялось общее собраніе духовенства, на которомъ присутствовало около 500 человекъ. Введенскій нагло защищался, Красницкій лишь язвительно улыбался, поглаживая бороду. Страсти разгорались. Въ это время пріѣхалъ Митрополитъ. Въ своемъ словѣ къ собранію онъ говорилъ, что оцѣнивать письмо — сейчасъ не время. На улицахъ каждую минуту можетъ начаться кровопролитіе. «Помголь» молчитъ. Нужно единеніе. Въ заключеніе онъ предложилъ послать въ «Помголь» людей, крѣпимыхъ для «Помгола», священниковъ Введенскаго и Боярскаго. Начались переговоры. Въ совѣтскихъ газетахъ по-

13. VIII. 22.

18. VIII. 32.

явилось сообщеніе о договорѣ между Митрополитомъ и совѣтской властью — совѣтская власть изымаетъ цѣнности, а Митрополитъ призываетъ къ спокойствію; совѣтская власть обязуется не допускать никакихъ кощунствъ, не чинить издѣвательствъ; допустить выкупъ деньгами священныхъ предметовъ и т. д. Настроеніе было мирное. Въ это время совершается церковный переворотъ. Живоцерковники обманнымъ путемъ захватываютъ власть. Введенскій пытался утвердить власть В.Ц.У. *) въ Петроградѣ. Онъ явился къ Митр. Веніамину и потребовалъ отъ него подчиненія В. Ц. У.

Кротокъ былъ Митрополитъ, но онъ почувствовалъ, что онъ долженъ, можетъ быть, впервые, сказать властное слово.

*) Высш. Церковное Управленіе.

Онъ обратился къ духовенству и вѣрующимъ съ призывомъ не признавать В. Ц. У., считать участниковъ его похитителями церковной власти. Введенскій же былъ объявленъ находящимся внѣ церковнаго общенія до той поры, пока не раскается и не признаетъ своихъ заблужденій. Большевики буквально взбѣленились — они знали, что выступленіе Митрополита убьетъ «живую» церковь. Появились раздраженныя статьи, гдѣ говорилось о «бѣлогвардейскомъ актѣ отлученія революціоннаго священника», о томъ, что «мечъ пролетаріата опустится на голову бѣлогвардейца». Убить Митрополита немедленно — не было смысла: надо было попытаться его очернить, пытаться воздѣйствовать на него страхомъ, угрозами, сломить его моральный авторитетъ. Введенскій въ сопровожденіи коммуниста Бокая вторично явился къ Митрополиту; они

требовали отъ Митрополита отмѣны постановленія о В. Ц. У. и Введенскомъ; въ случаѣ несогласія угрожали Митрополиту гибелью Митрополитъ отвѣтилъ: «Дѣлайте, что хотите, а я ни отъ одного слова не откажусь».

Митрополитъ сознавалъ что часъ жертвы приближается. Онъ созвалъ близкихъ людей, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Онъ просилъ всѣхъ сохранять спокойствіе, просилъ призвать къ этому и народъ. Въ день ареста Митрополита у воротъ Александрo-Невской Лавры, гдѣ жилъ Митрополитъ, разыгралась сцена, навѣки памятная всѣмъ, кто при ней присутствовалъ. Митрополитъ возвращался въ лавру. У воротъ лавры его поджидалъ блѣдный человѣкъ, старательно прятавшійся въ тѣни; казалось, онъ хотѣлъ влипнуть въ стѣну. Митрополитъ приблизился. Лицо прятавшагося вынырнуло изъ мрака. Введенскій. Они остановились, глядя другъ на друга. Сатанинская злоба и вмѣстѣ нечеловѣческое мученіе были въ глазахъ Введенскаго. Митрополитъ поднялъ было руку для благословенія, потомъ опустилъ и молча прошелъ мимо. Въ это время въ покояхъ уже шелъ обыскъ. Митрополиту объявили, что онъ привлекается къ отвѣтственности по обвиненію въ сопротивленіи изъятію цѣнностей. Въ теченіе дня Митрополитъ находился подъ домашнимъ арестомъ, а ночью его перевезли въ домъ предварительнаго заключенія. Комитетъ Политическаго Краснаго Креста, узнавъ объ арестѣ, имѣлъ сужденіе. По дѣлу Митрополита Веніамина было привлечено 86 человѣкъ. Всталъ вопросъ о защитѣ, и защита была поручена Я. С. Гуровичу. Я. С. Гуровичъ, на предложеніе взять на себя защиту отвѣтилъ, что если комитетъ признаетъ необходимымъ, чтобы защищать онъ, Гуровичъ, онъ согласенъ, но проситъ предварительно принять во вниманіе, что онъ еврей: всякое упущеніе,

ошибка — съ одной стороны — могутъ имѣть роковыя послѣдствія для подсудимаго, съ другой — могутъ стать козыремъ въ рукахъ антисемитовъ Власти съ дѣломъ, повидимому, не спѣшили. Шло еще слѣдствіе. Процессъ долженъ былъ начаться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но неожиданно 7-VI заключеннымъ былъ розданъ обвинительный актъ и было указано, что дѣло назначено къ слушанію на 10-VI. Митр. Веніаминъ изъ тюрьмы обратился непосредственно къ Я. С. Гуровичу съ просьбой не отказаться отъ защиты. Митрополитъ въ своемъ обращеніи къ Я. С. Гуровичу говорилъ, что нужно защищать не его, Митрополита Веніамина, а Церковь, что лично онъ вѣритъ ему и проситъ, отложивъ всѣ страхи и опасенія, принять на себя защиту. Гуровичъ далъ окончательное согласіе. Въ связи съ принятіемъ на себя защиты, Гуровичу пришлось долго задержаться въ трибуналѣ. Вернулся домой только около 12 час. ночи. Несмотря на полуночную часъ, засталъ дома массу народа — родственники и друзья заключенныхъ пришли просить взять на себя защиту. Гуровичъ отвѣтилъ отказомъ: «Я взялся защищать Владыку Митрополита, и поэтому не могу уже взять ничьей защиты». И присутствовавшіе, забывъ о своемъ просили его приложить всѣ усилія къ тому.

10-IV начался процессъ. Дѣло слушалось въ помѣщеніи бывшаго Дворянскаго Собранія. Невскій проспектъ былъ усѣянъ народомъ, а отъ Гостиного Двора народъ стоялъ компактной массой. Стояли безъ словъ, неподвижно, какъ изваянія. Толпа собралась съ утра, ожидая проѣзда Митрополита. Когда увидели, упали на колѣни, заплѣли «Спаси, Господи, люди твоя». Митрополитъ благословлялъ стоявшихъ. Пройти, казалось, было невозможно. Но услышавъ слова: «Дайте дорогу защитнику Митрополита»,

народъ разступался, Сіаніе той огромной любви, которой пользовался Митрополитъ, пало и на защитника... «Вести подсудимыхъ»... Изъ двери показалась, извиваясь змѣей, вереница людей, а впереди всѣхъ — Митрополитъ въ бѣломъ клобуку Всѣ, присутствовавшіе въ залѣ суда, встали. Митрополитъ благословилъ присутствовавшихъ. Это повторялось всякій разъ, когда вводили подсудимыхъ. Предсѣдатель трибунала протестовалъ было, грозилъ всѣхъ удалить, но въ концѣ концовъ махнулъ рукой.

Митрополитъ Веніаминъ и на судѣ былъ такимъ же, какимъ всѣ его знали раньше. Другіе подсудимые. Среди нихъ слѣдуетъ прежде всего назвать архим. Сергія — въ прошломъ членъ Госуд. Думы Влад. Павлов. Шеинъ. Въ отношеніи пламенной вѣры онъ походилъ на Митрополита. Въ остальномъ онъ былъ полной противоположностью Митрополиту, начиная съ внѣшности. Огромные пламенные глаза, аскетическое лицо, громкій голосъ. Онъ всѣ силы политическаго дарованія и незауряднаго краснорѣчія отдалъ на служеніе дѣлу Церкви. Митр. Веніаминъ на все отвѣчалъ кратко, арх. Сергіи при всякомъ удобномъ случаѣ произносилъ пламенные рѣчи; Митр. Веніаминъ не боялся смерти, но и не искалъ ея; арх. Сергіи хотѣлъ актомъ мученичества запечатлѣть свою вѣру. Изъ какой духовной глубины возстали эти два главныхъ героя процесса? Временами нѣкоторые изъ присутствовавшихъ переживали такое чувство, что вся современность, все совершающееся кругомъ нерально, а реально то, что внесли сюда эти два человѣка.

Далѣе — Юрій Павловичъ Новицкій, профессоръ университета, крупный юристъ, человѣкъ дѣла, съ огромной памятью.

Ив. Михайлов. Ковшаровъ — человѣкъ умный, убѣжденный, рѣшительный. Онъ зналъ о своей участи, зналъ, что ему жи-

вымъ уже не уйти. Въ отношеніи большевиковъ держался иронически - спокойно, безпощадно высмѣивая ихъ при всякомъ случаѣ.

Въ качествѣ прокурора выступалъ бывший дѣйствительный статскій совѣтникъ Драницынъ, бывший преподаватель исторіи въ привилегированномъ учебномъ заведеніи для дѣвицъ. Перепрыгнувъ къ большевикамъ, онъ рекомендовалъ себя въ качествѣ знатока каноническаго права. Поэтому и былъ назначенъ обвинителемъ. Другимъ обвинителемъ былъ Красиковъ — бывший присяжный повѣренный — пьяница фантастическій, въ прежнее время выступалъ по дѣламъ объ увѣчіяхъ, и Смирновъ — рабочій-булочникъ. О немъ говорили, что это выдающийся самородокъ, обладающій большимъ даромъ краснорѣчія. Оказался полной бездарностью. Даже митинговымъ ораторомъ его назвать нельзя; одно было у него достоинство — дѣйствительно прекрасный, громадный голосъ.

Среди обвиняемыхъ былъ извѣстный специалистъ церковнаго права проф. Бенешевичъ. Обвинители и, особенно, Смирновъ, «допекали» профессора, придирались къ мелочамъ, снова и снова возвращались къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, «Если въ «Обществѣ объединенныхъ приходовъ» занимались мелкими вопросами, говорили обвинители, то зачѣмъ вы, крупный ученый, были приглашены туда? Вѣроятно, тамъ были и болѣе крупныя вещи, чѣмъ мелкіе вопросы?» Бенешевичъ въ первый разъ спокойно отвѣтилъ, что онъ былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта, потому что считался специалистомъ по церковнымъ вопросамъ. Смирновъ черезъ нѣсколько минутъ снова повторилъ тотъ же вопросъ. Бенешевичъ, видимо сердясь, но еще сдерживаясь, отвѣтилъ: «Я уже вамъ разъяснилъ»... Смирновъ, немного погодя, въ третій разъ спросилъ профессора, «почему онъ оказался экспертомъ»

въ «Обществѣ объединенныхъ приходъ». Бенешевичъ, разсердившись, отвѣтилъ: «Я не понимаю, гражданинъ обвинитель, что загадочнаго въ томъ, что меня пригласили экспертомъ по вопросамъ моей специальности? Если бы я былъ булочникомъ, и меня пригласили экспертомъ по церковнымъ вопросамъ, это было бы странно». Бенешевичъ не подозрѣвалъ, что Смирновъ — рабочій-булочникъ. Бенешевича хотѣли привлечь къ отвѣтственности и «за оскорбленіе суда». Еле-еле, путемъ кулуарныхъ переговоровъ и вліяній, удалось устранить новую опасность, нависшую надъ головой профессора Бенешевича.

Изъ состава защиты только два лица — Я. С. Гуровичъ и Жежеленко — не входили въ составъ сов. адвокатуры; остальные были члены совѣтской адвокатуры. Положеніе ихъ болѣе чѣмъ незавидное. Къ защитникамъ со стороны относились еще съ уваженіемъ, а къ нимъ — ихъ просто не замѣчали. Одинъ изъ подсудимыхъ показалъ, что Введенскій угрожалъ духовенству карами совѣтской власти. Трибуналь заинтересовался. Крастинъ справился, каково состояніе здоровья Введенскаго и не можетъ ли онъ явиться въ судъ. Защита рѣшила было не вмѣшиваться. Но Бобрищевъ-Пушкинъ — членъ сов. адвокатуры — заявилъ, что вызывать однихъ свидѣтелей прежде общаго вызова свидѣтелей значило бы создавать «привилегированныхъ свидѣтелей». Въ революціонномъ же трибуналь нѣтъ и быть не можетъ такихъ привилегированныхъ положеній, — закончилъ онъ съ пафосомъ... Рев. трибуналь усмотрѣлъ въ заявленіи Бобрищева-Пушкина оскорбленіе и поднялъ вопросъ о привлеченіи адвоката къ отвѣтственности. Гуровичъ отъ лица защиты возражалъ; онъ подчеркнул, что не можетъ понять, въ чемъ обвиняютъ Бобрищева-Пушкина: въ его словахъ нѣтъ факта

преступленія. Если бы онъ сказалъ, что въ рев. трибуналь могутъ быть привилегированные свидѣтели, это было бы оскорбленіемъ... Но онъ какъ разъ утверждаетъ обратное. Вопросъ замаяли. Но Бобрищевъ-Пушкинъ тутъ же передалъ Гуровичу для безопасности бумажникъ и золотые часы, прося сохранить. «Вы ихъ не знаете, — сказалъ онъ при этомъ, — а я-то ихъ знаю». Трибуналь состоялъ изъ 6 человекъ. Предсѣдателемъ былъ нѣкто Семеновъ, молодой человекъ лѣтъ 25, выдававшій себя за студента политехническаго института. Въ револ. трибуналь не назначали людей выше средняго уровня. Приговоръ по каждому дѣлу выносился заранѣе; средніе же люди относились терпѣливо и не протестовали противъ такого предрѣшенія исхода дѣла.

**
*

Входъ былъ по билетамъ, причемъ билеты давались не болѣе, какъ на одно засѣданіе. Огромное количество народа прошло черезъ залъ. Во время процесса были аресты и на улицѣ, и въ самомъ залѣ суда. Цѣлый рядъ мелочей свидѣтельствовалъ, какъ народъ беззавѣтно любилъ Митрополита. Лишь замѣчали, что у защитника Митрополита Гуровича нѣтъ чаю, чьи-то руки доставляли новый стаканъ сладкаго чаю, откуда-то появлялся хорошій, сдобный хлѣбъ, на столѣ всегда лежалъ букетикъ цвѣтовъ. Невѣдомые люди приносили сахаръ, конфеты, чай, всё говорили только «помоги вамъ Богъ». Въ это время ни сахару, ни конфетъ въ Петроградѣ уже нельзя было достать почти ни за какія деньги.

Митрополиту было предъявлено обвиненіе въ томъ, что онъ:

1) злонамѣренно вступилъ въ соглашеніе съ совѣтской властью, въ результатъ чего поулчилось смягченіе декрета;

2) дѣйствовалъ въ согласіи съ западной буржуазіей;

3) распространялъ свое обращеніе къ «Помголу».

Самое мучительное въ совѣтскихъ допросахъ — постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же вопросовъ съ удареніемъ на грозящихъ карахъ: «Да вы знаете, что вамъ угрожаетъ?, «вы знаете, что вы будете уничтожены?... Они хотятъ подвергнуть пыткѣ, измучить душу. Митр. Веніамина допросами терзали два дня, и онъ ни на шагъ не отступилъ отъ своей линіи.

Добивались узнать, кто авторъ обращенія къ Помголу. Содержаніе соотвѣтствуетъ мыслямъ Митрополита, но, — утверждали допрашивавшіе — написано оно не Митрополитомъ, — оно написано сухимъ канцелярскимъ языкомъ. ЧК не знала, но предполагала, кто написалъ обращеніе. Митрополитъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Заявленіе принадлежитъ мнѣ одному цѣликомъ». Ему давали понять, что отъ этого зависитъ его участь. Ужасныя минуты! Шла страшная игра, гдѣ ставкой была жизнь или смерть. Былъ одинъ моментъ, когда сердце перестало биться — председательствовавшій обратился къ Владыкѣ со слѣдующими словами: «Призовите на помощь всѣ силы ума, памятуя о послѣдствіяхъ, отвѣчайте на послѣдній и рѣшительный вопросъ вы ли писали?» Легкій и свѣтлый голосъ Митрополита контрастомъ прозвучалъ въ напряженной тишинѣ: «Я нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что я писалъ. Да я никому и не позволилъ бы вмѣшиваться въ мои распоряженія, въ такую минуту».

Архимандритъ Сергій и на допросѣ держался непримиримо — обрывалъ вопросы, говорилъ: «Я уже отвѣчалъ, больше отвѣчать не буду. Вы рассчитываете на мое утомленіе — напрасно». Когда Смирновъ обратился къ нему со словами: «Вы въ міру были крупнымъ помѣщикомъ, богатымъ человѣкомъ. Неужели вы приняли монашество по убѣжденію?», архим. Сергій выпрямился во весь ростъ и рѣз-

ко сказалъ: «Послушайте, вы, очевидно, не понимаете, какъ оскорбителенъ вашъ вопросъ. Я на вашъ вопросъ отвѣчать не буду».

Свидѣтели. Первымъ выступалъ Канатчиковъ, дѣятель «Помгола». На предварительномъ слѣдствіи онъ далъ показаніе въ пользу Митрополита. На судѣ Канатчиковъ сказалъ другое: «Митрополитъ Веніаминъ, — говорилъ онъ, — произвелъ хорошее впечатлѣніе, но былъ лицемѣромъ, находился въ — заговорѣ». Противорѣчіе въ показаніяхъ объяснилъ тѣмъ, что онъ, свидѣтель, — человѣкъ теоретическихъ выводовъ и схематическихъ построений». Среди свидѣтелей наиболѣе тягостное впечатлѣніе оставилъ Красницкій — священникъ. Въ теченіе процесса было много ужасныхъ минутъ, но такой душливой мути, какъ во время показаній Красницкаго, ни разу не было. Красницкій — лысый, сухощавый человѣкъ съ мечтательными глазами, съ металлическимъ голосомъ. Поверхъ рясы — золотой наперсный крестъ. Каждое слово его показанія накидывало петлю на кого-либо изъ подсудимыхъ. Здѣсь все было — инсинуаціи, клеветы, выдумки. Онъ сознательно приписалъ Митр. Веніамину выступленія еп. Веніамина, епископа арміи и флота при войскахъ ген. Врангеля. Приписавъ контръ-революціонную дѣятельность послѣдняго Митр. Веніамину, Красницкій утверждалъ, что среди духовенства существовалъ заговоръ — священники сговорились вызвать на почвѣ голода народное возстаніе противъ совѣтской власти. Даже обвинителямъ стало не по себѣ — члены трибунала сидѣли съ поблѣднѣвшими лицами. Было такъ невыносимо духовно мерзостно и душно, что, казалось, лысый батюшка съ золотымъ крестомъ на груди распухаетъ, заполняетъ залъ, душитъ. А онъ все продолжалъ. Казалось, вотъ-вотъ, а неминуемо произойдетъ какой-нибудь эксцессъ.

Остаться спокойнымъ было нестерпимо, нужно было прекратить это удушье, разбить стекло, крикнуть. Вдругъ онъ кончилъ. Слово взялъ Гуровичъ и задаль свидѣтелю вопросъ: «Свидѣтель Красницкій! Вамъ извѣстенъ журналъ «Епархіальныя Вѣдомости». Не были ли вы редакторомъ этого журнала? Не вамъ ли принадлежитъ статья, гдѣ буквально написано: «Большевикомъ слѣдуетъ уничтожить, утопивъ ихъ въ собственной крови»? Красницкій молчалъ. Красницкаго многое уличало — на одномъ засѣданіи «Русскаго собранія» заявилъ: «Евреи употребляютъ христіанскую кровь». Красницкаго отпустили. Онъ ушелъ изъ зала съ улыбкой, пройдя сквозь всѣ ряды сидѣвшихъ. Слѣдующимъ свидѣтелемъ былъ священникъ Боярскій — умный, образованный, талантливый проповѣдникъ. Обвинители были увѣрены, что онъ дастъ показанія, убійственныя для Митрополита. Но онъ произнесъ пламенный, художественный по своей формѣ панегирикъ въ прославленіе Митр. Веніамина. Злоба разочарованныхъ обвинителей обрушилась на слѣдующаго свидѣтеля — профессора Егорова, человекъ спокойнаго, немного американской складки. Когда Егоровъ заявилъ, что соглашеніе состоялось по почину «Помгола», Смирновъ яростно заявилъ, что свидѣтель — соучастникъ Митр. Веніамина, и потребовалъ, чтобы Егорова перевели въ разрядъ подсудимыхъ. Защитникъ Митрополита протестовалъ. Трибуналъ, посовѣщавшись, постановилъ возбудить отдѣльное дѣло противъ свидѣтеля Егорова, а пока — заключить подъ стражу. Егоровъ предвидѣлъ возможность подобнаго исхода и явился на засѣданіе суда съ толстымъ портфелемъ — въ портфель были подушка, одѣяло, бѣлье, явства и другія необходимые вещи.

Революціонный трибуналъ, выслушавъ свидѣтелей обвиненія, просто «упразд-

нилъ» свидѣтелей защиты, заявивъ, что объявляется перерывъ, а черезъ тридцать минутъ начнутся пренія сторонъ. Защита протестовала, но тщетно. Драницынъ съ греческими цитатами доказывалъ, что съ канонической точки зрѣнія Митрополитъ Веніаминъ несомнѣнно подлежитъ смерти. «Мой отецъ, — сказалъ онъ какъ-то защитнику Митрополита Я. С. Гуровичу, — былъ сельскій священникъ, а вы — еврей. Я буду требовать для Митрополита смертной казни, а вы будете его защищать. Какъ играетъ исторія!»

Красиковъ изложилъ всю исторію русскаго духовенства, какъ сословія, всегда поддерживавшаго реакціонныя силы. Что касается Митр. Веніамина, то онъ безусловно повиненъ въ контръ-революціонной дѣятельности — онъ хотя и не призналъ постановленій Карловацкаго Собора, но онъ и не заявлялъ официально о своемъ отношеніи къ совѣтской власти. Смирновъ требовалъ въ своей рѣчи 16 головъ. Часть зала, заполненная специально набранной публикой, заплодировала. Смирновъ нѣсколько разъ повторилъ свою фразу о 16 головахъ. Начались рѣчи защиты. Жежеленко доказывалъ отсутствіе состава преступленія, которое влекло бы приговоръ къ высшей мѣрѣ. Контръ-революціонной организаціи нѣтъ, а поэтому и смертной казни быть не можетъ.

Гуровичъ въ своей защитительной рѣчи разбиралъ шагъ за шагомъ всѣ хитросплетенія Красикова. Русское духовенство, — говорилъ Гуровичъ, — плоть отъ плоти и кость отъ костей русскаго народа. Красиковъ ни однимъ звукомъ не обмолвился объ огромной заслугѣ духовенства въ области народнаго образованія, что духовенство самоотверженно служило дѣлу образованія. Во дни процесса Бейлиса именно духовенство было противъ процесса. Эксперты свящ. А. Глаголевъ и проф. Дух. Академіи Троицкій рѣшительно отвергли употребленіе евреями

христіанской крови. «Я, — говорилъ Гуровичъ, — еврей, счастливъ и гордъ за свидѣтельствовать, что еврейство всего міра питааетъ уваженіе къ русскому духовенству и всегда будетъ благодарно послѣдному за позицію, занятую русскимъ духовенствомъ въ процессѣ Бейлиса». Въ залѣ послышался плачь, нѣкоторые, подбѣжавъ къ защитнику, обнимали его, цѣловали. Наконецъ, онъ получилъ возможность продолжить рѣчь. «Пережитое волненіе, — сказалъ онъ, — можетъ быть, прообразъ единенія всѣхъ народовъ. Митрополитъ Веніаминъ — «немудрый сельскій попикъ», кроткій, смиренный. Онъ не похожъ на гордаго «князя церкви»... Но это сила, — продолжалъ онъ, передъ которой нельзя не склониться. Развѣ не понятна игра съ Митр. Веніаминомъ, которая здѣсь велась? Развѣ не понятно, что ему предлагалось маленькой уступкой купить жизнь? Вы можете его убить, но не можете отказать ему въ одномъ — въ уваженіи къ нему, въ преклоненіи передъ его моральной красотой. Доказательствъ виновности нѣтъ, фактовъ нѣтъ, въ сущности, нѣтъ и обвиненія. И все же — ужасъ творится, впереди — пропасть смерти, куда влекутъ этихъ людей, и чья-то рука подталкиваетъ ихъ. Процессъ историческій. Что скажетъ исторія? Было изъятіе церковныхъ цѣнностей. Оно прошло съ полнымъ спокойствіемъ, и тѣмъ не менѣе, совѣтская власть нашла необходимымъ посадить на скамью подсудимыхъ петроградское духовенство во главѣ съ Митрополитомъ. Вашъ приговоръ будетъ записанъ исторіей. Основной принципъ, подчеркиваемый вами — польза совѣтской власти. Если вы этотъ принципъ примѣните къ этому процессу, весь процессъ получаетъ характеръ зловѣщей комедии. Рѣшая все съ точки полезности, нужно хорошо, и очень хорошо, все взвѣсить. Живой Митрополитъ вамъ кажется опаснымъ, но

мертвый онъ во сто разъ опаснѣе для васъ. Не станеть ли онъ стягомъ, кругомъ котораго объединится вся Церковь? Не забывайте, что на крови мучениковъ растетъ Церковь — не творите же мучениковъ».

«Красиковъ старался доказать, что контръ-революціонная организація налицо, это — Православная Церковь. Она представляетъ установленіе, построенное на принципѣ іерархіи, строгого подчиненія низшихъ высшимъ и, слѣдовательно, она контръ-революціонна по самому существу. Собственно, слѣдовало бы посадить въ тюрьму всю Церковь». Кто-то изъ подсудимыхъ подалъ реплику: «Будеть время — посадятъ».

«Больше нечего сказать, — закончилъ свою рѣчь Я С. Гуровичъ, — но и трудно разстаться со словомъ. Пока говорятъ, длятся пренія — еще идетъ процессъ. Подсудимые живы. Кончатся пренія, воцарится холодъ молчанія, кончится жизнь». Пренія сторонъ закончились. Предсѣдатель объявилъ, что приговоръ будетъ объявленъ завтра въ 9 час. вечера, и предоставилъ подсудимымъ послѣднее слово.

Митрополитъ Веніаминъ всталъ. День былъ солнечный, яркій. Вся фигура Митрополита была освѣщена. Говорилъ просто, какъ всегда. Онъ сказалъ, что къ самому обвиненію онъ относится спокойно, но не можетъ отнестись спокойно къ тому, что его здѣсь назвали «врагомъ народа». «Народъ я люблю, я отдамъ для него все, — говорилъ Митрополитъ, — и народъ любитъ меня». Потомъ, забывъ о себѣ, перешелъ къ установленію «алиби» отдѣльныхъ обвиняемыхъ. Называя каждого по имени, онъ говорилъ: «Распоряженія ему были даны мною; онъ долженъ былъ подчиниться»; «такой-то былъ въ командировкѣ и, слѣдовательно, онъ не могъ принимать участія въ томъ, что ему

вмѣняется»... И все такъ. Ни звука о себѣ. «Я, — закончилъ онъ, — говорю бездоказательно, но я вѣдь говорю въ послѣдній разъ въ жизни, а такому человѣку обыкновенно вѣрятъ». Предсѣдатель новымъ голосомъ, котораго нельзя было узнать, — въ немъ слышалось большое человѣческое волненіе — сказалъ Владыкѣ: «Вы — подсудимый. Вамъ дано послѣднее слово для того, чтобы вы сказали что-либо о себѣ. Это важно для революціоннаго трибунала». Митрополитъ всталъ, и въ миломъ — иного слова не придумавъ, несмотря на весь трагизмъ положенія, — недоумѣнно сказалъ: «Что же могу о себѣ сказать? Я не знаю, что вы скажете мнѣ въ своемъ приговорѣ — жизнь или смерть? Но что бы вы ни сказали, я осѣню себя крестомъ и скажу — слава Богу за все».

Новицкій въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ, что никакихъ контръ-революціонныхъ выступленій не было. Если же власти нужны жертвы, то пусть будетъ такой жертвой онъ одинъ. Ковшаровъ заявилъ, что процессъ — маскировка дѣй-

ствительныхъ намѣреній власти. Архимандритъ Сергій (Шейнъ): «Инокъ внѣ міра; онъ живетъ общеніемъ съ Богомъ. Дѣлайте свое дѣло. Я буду жалѣть васъ и о васъ молиться».

Приговоръ: Революціонный трибуналъ постановилъ обвиняемыхъ Митр. Веніамина, арх. Сергія, Новицкаго, Ковшарова, Бенешевича, Чукова, Богоявленскаго, Чельцова, Огнева — **разстрѣлять.**

Красноармейцы, переполнявшіе залъ, встрѣтили приговоръ аплодисментами. Владыка обнялъ своего защитника, усидилъ съ собой, заставилъ выпить стаканъ чаю.

Начались томительные дни. 10 августа въ «Извѣстіяхъ» за подписью Красикова появилось сообщеніе, что ЦИКъ изъ 10 приговоренныхъ нашелъ возможнымъ помиловать 6; помиловать же остальныхъ четырехъ — Митрополита, арх. Сергія, Новицкаго и Ковшарова было бы преступленіемъ противъ рабочаго класса.

Въ ночь съ 12 на 13 августа 1922 г. они были разстрѣяны.

О мотивахъ отчужденія отъ христіанства

Мотивовъ, распространеннаго въ наше время равнодушія къ христіанству и нерѣдко даже вражды къ нему, много. Я буду говорить только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, преимущественно о тѣхъ, вскрытіе которыхъ облегчено современнымъ психоанализомъ, стремящимся проникнуть въ область подсознательнаго и въ немъ найти объясненіе многимъ сторонамъ нашего сознательнаго поведенія.

Для многихъ людей мысль о Богѣ, какъ о Творцѣ, и о себѣ, какъ о твари, совершенно непереносима. Гордость ихъ не допускаетъ, чтобы надъ ними недосыгаемо высоко стояло Существо, *toto genere*

отличное отъ нихъ и абсолютно превосходящее ихъ. Японецъ Сузуки въ своей книгѣ «Очерки махаянскаго буддизма» говоритъ: «понятіе о высшемъ существѣ, стоящемъ выше своихъ созданій и произвольно вмѣшивающемся въ человѣческія дѣла, представляется крайне оскорбительнымъ для буддиста». Такое умонастроеніе и весь соотвѣтствующій ему складъ характера художественно изображенъ Вл. Соловьевымъ въ его «Повѣсти объ Антихристѣ». Склонность къ пантеизму иногда возникаетъ на основѣ такого настроенія. Иной пантеистъ считаетъ себя не только божественнымъ суще-

ствомъ, но даже и самимъ Богомъ. Лесингъ однажды сказалъ, полуулыбаясь, что онъ самъ, быть можетъ, есть Высшее Существо, только находящееся теперь въ состояніи крайняго сжатія (Contraction).

У такого гордаго человѣка нѣтъ признанія вины и грѣха, нѣтъ ни малѣйшаго зародыша смиренія, естественно рождающагося въ душѣ христіанина, который стыдится своего нравственнаго несовершенства, вспоминая образъ Христа и идеальную святости, выработанный христіанствомъ. Отказавшись отъ идеи святости и упростивъ свою жизненную задачу, европейскій джентльменъ выработалъ себѣ кодексъ морали, выполнимый въ земныхъ условіяхъ безъ преображенія бытія, но зато и узаконяющій въ опредѣленныхъ рамкахъ «честнаго соревнованія» зло земной борьбы за существованіе, считая его абсолютно неустранимымъ, открытымъ наукою желѣзнымъ закономъ бытія. Такой человѣкъ, исполняя до конца то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, гордо шествуетъ въ жизни, высоко поднося голову, и сознаетъ себя рыцаремъ безъ страха и упрека. Гете, напр., говорилъ о себѣ, что ему чуждо сознаніе виновности или грѣха.

Такое состояніе души есть нравственная смерть, какъ слѣдствіе подмѣны безконечнаго абсолютнаго идеала совершенства добромъ ограниченнымъ, относительнымъ, необходимо связаннымъ со зломъ.

Хорошимъ испытаніемъ гордости можетъ служить исповѣдь, требуемая православною и католическою церковью передъ принятіемъ св. Таинъ. Многіе люди, приблизившіеся въ другихъ отношеніяхъ къ Церкви, не могутъ заставить себя открыто исповѣдать свои грѣхи предъ священникомъ - человѣкомъ и въ оправданіе себя придумываютъ разныя мнимо возвышенныя соображенія о несовершенствѣ церковныхъ установленій и формъ.

Между тѣмъ, какъ разъ для такихъ остро самолюбивыхъ и горделивыхъ лицъ исповѣдь могла бы быть особенно цѣлительною: она могла бы освободить ихъ отъ многихъ душевныхъ травмъ и комплексовъ болѣе основательно, чѣмъ фрейдовскій психо - анализъ, потому что оцѣнка своей душевной жизни, производимая подъ руководствомъ христіанскаго идеала именно въ связи съ конкретнымъ воплощеніемъ добра въ жизни Христа и святыхъ, даетъ могущественныя средства для сублиманціи страстей и инстинктовъ человѣка*).

Христіанское пониманіе и особенно принадлежность къ Церкви въ идеальной формѣ своей требуетъ нѣкотораго утонченнаго сочетанія свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненія авторитету соборнаго церковнаго разума. Въ историческомъ осуществленіи христіанства, далеко отъ воплощенія идеала, и служители церкви, и міряне часто впадаютъ въ грѣхъ чрезмернаго выдвиганія начала авторитета, часто предъявляютъ требованіе подчиненія не столько соборному разуму, сколько временнымъ усмотрѣніямъ частныхъ церковныхъ властей, преувеличивающихъ свои права и полномочія. Сталкиваясь съ такими искаженіями идеала, многія лица тотчасъ становятся на дыбы и рѣзко порываютъ съ Церковью. Въ основѣ этой реакціи часто лежитъ ненависть ко всякой власти, ко всякому «начальству» и авторитету. Нерѣдко эта черта характера бываетъ обусловлена травами, полученными еще въ дѣтствѣ въ семьѣ и школѣ (несправедливыя наказанія, неуваженіе къ личности ребенка, суровый чрезмерно строгій отецъ и т. п.). Многіе революціонеры, если бы они способны были подвергнуть себя безпристрастному

*) См. объ этомъ Б. Вышеславцевъ «Этика преображеннаго Эроса. Проблемы закона и благодати». УМСА, 1932.

психо - анализу, убѣдились бы, что ожесточеніе ихъ противъ современнаго политическаго и соціального строя, противъ Церкви, быта и т. п. обусловлено въ значительной степени раннимъ озлобленіемъ души, оставившимъ слѣдъ въ подсознаніи и ищущимъ себѣ оправданія и даже возвеличенія подъ маскою исканія соціальной справедливости; освободившись отъ этого подсознательнаго источника постоянного раздраженія, они вмѣстѣ съ тѣмъ избавились бы отъ склонности тенденціозно подбирать факты, увидѣли бы чрезвычайную сложность жизни, сплетеніе зла съ добромъ, въ каждомъ изъ ея проявленій, и поняли бы, что соціальную справедливость нужно осуществлять не путемъ революціоннаго разрушенія, а болѣе сложными положительными методами, стремясь выработать синтезъ стараго добра съ искомыми новыми цѣнностями.

Замѣчательно, что даже искренно и глубоко вѣрующіе люди, считающіе себя любящими Бога, оказываются иногда въ глубинѣ души исполненными вражды къ Богу. Обнаруживается это въ слѣдующемъ странномъ явленіи: у нѣкоторыхъ людей во время молитвы даже въ храмѣ неожиданно являются грубо кощунственныя мысли. Объясняется это болѣзненное состояніе души въ большинствѣ случаевъ слѣдующимъ образомъ. Вѣра въ Бога и любовь къ Нему обязываетъ къ самодисциплинѣ, къ борьбѣ со зломъ въ своей душѣ, къ отреченію отъ многихъ привычныхъ или любимыхъ, но осужденныхъ соеѣстью поступковъ и отношеній. Противъ Бога, какъ немолчнаго Судіи, нарастаетъ раздраженіе въ душѣ слабого человека и прорывается изъ области подсознанія въ формѣ нелѣпыхъ, какъ молнія вспыхивающихъ мыслей. Лучшимъ средствомъ противъ этой тягостной болѣзни служитъ самоанализъ, глубоко испытующій душу и открывающій въ ней тѣ страсти, стѣсненіе которыхъ вызываетъ не-

лѣпую реакцію противъ Бога. Свѣтъ сознанія, внесенный въ темныя закоулки души, устраняетъ эту болѣзнь.

Нельзя, конечно, отрицать, что христіанство очень часто подвергается грубымъ искаженіямъ: фарисейское законничество, фанатическое преслѣдованіе еретиковъ вплоть до сожженія ихъ въ старыя времена, а теперь ненависть къ чужимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и несправедливая оцѣнка ихъ безъ всякой попытки пріобрѣсти хотя бы точное знаніе о нихъ, использование религіи въ цѣляхъ политической реакціи — всѣ эти явленія и множество другихъ отталкивающихъ чертъ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ идеаломъ религіи любви и вызываютъ подозрѣніе, что христіане въ большинствѣ своемъ лицемѣры или, въ лучшемъ случаѣ, люди, не знающіе и не понимающіе основъ своей религіи.

Игнорировать эти недостатки христіанства нельзя, но правильное отношеніе къ нимъ состоитъ въ томъ, чтобы отличать идею христіанства и его идеаль отъ земныхъ искаженій, которымъ оно подвергается. Кто вступаетъ на этотъ правильный путь, тотъ съ еще большею, чѣмъ прежде, любовью къ христіанству, начинаетъ бороться въ себѣ самомъ и въ другихъ съ искаженіемъ идеала. Въ дѣйствительности многіе люди вступаютъ на иной путь: они зорко подмѣчаютъ недостатки христіанства, даже преувеличивая ихъ, забываютъ объ историческихъ заслугахъ его и отбрасываютъ его цѣликомъ. Такое несправедливое отношеніе къ христіанству наводитъ на подозрѣніе, что мотивы отчужденія отъ него, таящіеся въ глубинѣ души строгаго критика и неопознанные имъ самимъ, въ дѣйствительности неприглядны и только замаскированы возвышенными соображеніями. Чаше всего источникъ этихъ чувствъ кроется въ гордынѣ и своеволии.

Глубокія расхожденія между современ-

ными научными учениями о мірѣ и христіанскимъ міропониманіемъ часто служатъ поводомъ для отпаденія отъ христіанства. Не менѣе часто сомнѣнія въ правильности христіанскихъ ученій возникаетъ въ связи съ вопросомъ, какъ возможно, чтобы Богъ, существенныя черты котораго — Любовь, Всемогущество и Всесовершенство, сотворилъ міръ, въ которомъ такъ много зла и несовершенства. Защита христіанства противъ этихъ двухъ источниковъ сомнѣнія въ немъ требуетъ двухъ особыхъ статей и не можетъ быть произведена здѣсь. Однако, уже здѣсь можно сказать, что утвержденіе невозможности чудесъ, соображенія о несовершенствѣ міра, о бессмысленности многихъ событий и т. п. очень часто охотно подхватываются не потому, что они логически убѣдительно, а потому, что человѣку хочется найти приличное оправданіе своей нелюбви къ христіанству.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ слѣдующій фактъ. Люди, простые и чистые сердцемъ, опираясь на свой религіозный опытъ, непоколебимо убѣждены въ томъ, что Богъ — Всеблагой и Всемогущій Творецъ и Промыслитель міра, что въ жизни поэтому не бываетъ бессмысленныхъ случайностей, и всякое искреннее стремленіе къ добру рано или поздно достигаетъ завершения и осуществленія съ помощью Божіей. Поэтому они не мудрствуютъ лукаво надъ частными проблемами христіанскаго міропониманія и, сохраняя цѣльность духа, оказываются въ трудныхъ жизненныхъ положеніяхъ болѣе сильными и разумными, чѣмъ скептики и критики, отвергающіе соборный разумъ Церкви и разрушающіе свою религіозную жизнь, руководясь мнимо возвышенными мотивами и мнимо глубокомысленными соображеніями.

Н. Лосскій.

Фаустъ и Перъ Гюнтъ (къ столѣтней годовщинѣ Гете). ПОСВЯЩАЕТСЯ КН. Н. Д. КУГУШЕВУ.

Морицъ Карриеръ, пытаясь увѣнчать іерархію человѣческаго величія, сказалъ: «Шекспиръ, Данте, Микель-Анджело, Бетховень — великіе изъ великихъ людей. Это четыре каріатиды человѣчества».

Красиво, спору нѣтъ, но явно недостаточно. Ибо послѣ этой «четверки» человечество было взволновано гениальной «тройкой»: Гете, Ибсенъ, Достоевскій. И подпочва, родившая образъ нашей эпохи, вскрыта творчествомъ людей, давшихъ міру «Фауста», «Перъ Гюнта» и «Братьевъ Карамазовыхъ».

Подстолѣтняя годовщина Ибсена всего только на три года опередила вѣковой юбилей творца «Фауста». Есть нѣкото-

рое сходство въ посмертной литературной судьбѣ обоихъ гениевъ. Многие изъ того, что подняло вокругъ нихъ шумъ и дешевый трескъ «первой знаменитости», отошло навѣки въ область лишь историческаго изученія. Правда, участь критиковъ, особенно слѣплого Менцеля, плоско, ограниченнаго, самодовольнаго социалиста Брандеса, рутина и безвкусица толпы привыкли видѣть непреходящее значеніе совсѣмъ не тамъ, гдѣ нужно. Гете и Ибсенъ толпы и критиковъ въ полной мѣрѣ должны понести приговоръ Освальда Шпенглера: «Какое комическое впечатлѣніе производятъ ибсеновскія женскія проблемы, претендующія также

на вниманіе всего «человѣчества», если на мѣсто знаменитой Норы, дамы крупнаго города сѣверо-запада Европы, съ кругозоромъ, соотвѣтствующимъ квартирѣ съ арендной платой отъ двухъ до шести тысячъ въ годъ, и протестантскому воспитанію, поставить жену Цезаря, госпожу де-Севинье, японку или тирольскую крестьянку!»

Пожалуй, еще большимъ анахронизмомъ въ наше время являются «Страданія молодого Вертера» Гете, или же тончайшій переживанія Оттили изъ его «Избирательнаго сродства»... Послѣ ужасающей трагедіи русской революціи, игрушечными кажутся конфликты Ифигеніи, Клавиги и Эгмонта. Примѣняя слова Шпенглера, можно сказать, что конфликты и психологическія предпосылки многихъ нашумѣвшихъ въ свое время произведеній Гете и Ибсена «уже и нынѣ не представляютъ собою конфликтовъ широкихъ сферъ и низовъ общества, не говоря уже о городахъ съ не-европейскимъ населеніемъ».

Уходитъ единоедержавіе буржуазной Европы, уходитъ и образъ ея обличителя, затихаютъ и гнѣвныя филиппики противъ ставшихъ уже фантомами «столповъ общества». Конечно, и на этомъ пути сдѣлано много великаго. Произнесенъ судъ и надъ многоголовой гидрой пошлости, грѣховной грязи и тупого мѣщанскаго самодовольства, раздавленъ молотомъ сатиры омерзительный увалень, эгоистъ Яльмаръ Экдаль (европейскій Обломовъ, не въ примѣръ ниже стоящій его русскаго собрата), щелчкомъ въ носъ сбить со своихъ подмостковъ пустѣйшій говорунъ, демократическій адвокатъ Стенсгоръ (европейскій Хлестаковъ), у «человѣка-минимумъ», хотя и безукоризненнаго джентельмена, Хельмера уведена законная супруга Нора, — и по заслугамъ — ибо игра въ куклы и супружество — вещи несомнѣстимыя.

Но все это — конфликты прошлаго. Или почти прошлаго. «Хороша старина, да и Богъ съ ней». Къ тому же неуклонно надвигающійся закатъ буржуазной Европы готовить расправу со всѣми этими «копителями неба» въ гораздо болѣе внушительныхъ размѣрахъ и средствами несравненно болѣе мощными, чѣмъ сердитое перо ригориста-обличителя. Кроме того, обличаемые большей частью, какъ извѣстно, не читаютъ обличеній. А если и читаютъ, то съ результатами, которые въ точности соотвѣтствуютъ словамъ басни: «Васька слушаетъ, да ѣстъ»... Пока рано или поздно историческая Немзида не скушаетъ самого беззаботнаго Ваську.

Впрочемъ, это нисколько не умаляетъ геніальности Гете и Ибсена, какъ не умаляетъ геніальности Данте политическая борьба Гвельфовъ и Гибеллиновъ и расправа съ партійными противниками на страницахъ «Ада», какъ не умаляетъ величія Бетховена злободневно - политическая, нынѣ совершенно забытая, симфонія «Битва при Витторіо», прославляющая разгромъ того самого Наполеона, который столь геніально и навѣки воспѣтъ въ его третьей (героической) симфоніи.

Но чѣмъ непроницаемѣе сгущается туманъ, въ который безвозвратно уходятъ распадающіеся образы и эфемерныя явленія соціально - политической злободневности и моды, тѣмъ величественнѣе выступаетъ въ безоблачныхъ высотахъ вѣчная проблематика надклассоваго и надисторическаго творчества.

Гдѣ беззаботно и привольно
Свободной пѣснѣ да орлу...

Фаустъ.

Перъ Гюнтъ.

Созерцая эти памятники человѣческаго генія, мы поистинѣ чувствуемъ себя «на пиру боговъ», въ «иномъ мѣрѣ», въ мѣрѣ Платоновыхъ идей. Этотъ мѣръ обуслав-

ливааетъ само бытіе всякаго значительнаго произведенія, его форму, смыслъ и значеніе, его внѣшнюю и внутреннюю музыку. «Фаустъ» и «Перь Гюнтъ» объединены, между прочимъ, и тѣмъ, что въ нихъ «касаніе мірамъ инымъ» есть, прежде всего, познаніе источниковъ творчества и гениальная повѣсть объ этомъ познаніи. Поэтъ-мыслитель какъ бы осознаетъ, созерцаетъ первичное материнское лоно, возраставшее и вскормившее его даръ.

Въ «Фаустѣ» — «Прологъ на небѣ», демонолатрія и чародѣйство Фауста, сцены въ «Кухнѣ вѣдьмы», потрясающая сцена полета въ область «матерей». Въ «Перь Гюнтѣ» — сцены въ Рондскихъ скалахъ, эпизодъ съ «великой кривой» и «неизвѣстнымъ пассажиромъ», особенно же заключительная сцена съ «пугвочникомъ» и «Сольвейгъ». Тутъ уже теряется различіе между «вымысломъ» и «дѣйствительностью». **Ибо идеальное бытіе есть въ равной степени источникъ вымысла и дѣйствительности.** На этихъ — вершинахъ — «сущее» (Платонова идея) и «должное» «грядущее (Аристотелева энтелехія), нравственный идеаль, совпадаютъ и сливаются *). Этимъ объясняется, почему міровыя произведенія вродѣ «Иліады» и «Одиссеи», «Божественной Комедіи», «Фауста», «Перь Гюнта», «Кесаря и Галилеянина», «Братьевъ Карамазовыхъ», всегда мифологичны (легенда о Великомъ Инквизиторѣ) и въ огромномъ большинствѣ случаевъ эсхатологичны, — то есть раскрываютъ тайну основного и послѣдняго. Но лишь художественному творче-

*) Терминъ «идеаль» сравнительно новый, впервые онъ пущенъ въ оборотъ, кажется иезуитомъ Лана въ 1670 г. Идеальное знаніе по Шеллингу, есть знаніе абсолютное (absolutes Wissen). Но это знаніе и есть знаніе всереальнѣйшее, какъ таковое могущее быть выраженнымъ лишь символически и мифологически.

ству, созерцающему и создающему мифы будь то художественно - философскія мистеріи діалоговъ Платона, или же непосредственное творчество такихъ художниковъ, какъ Гете и Достоевскій, доступно выявленіе основного и послѣдняго. Ибо вопреки ходячимъ шаблоннымъ мнѣніямъ, только личное и кронкретно-образное вѣчно.

Хоть не вѣченъ человѣкъ,

То, что вѣчно—человѣчно... (А. Фетъ).

Однако, и грубому чувственному познанію здѣсь нѣтъ мѣста, и вѣчное должно созерцаться въ тайнѣ «транса», — перенесенія въ міръ умопостигаемый...

Идеи, согласно ученію Ведъ, суть видовыя, вѣчныя формы (akriti), по Платону, они — прообразы (παροδείγματα) и, какъ таковыя, пребываютъ въ сверхчувственномъ «небесномъ» мѣстѣ (ἐν οὐρανῷ ἰσταν). Поэтому, чтобы видѣть ихъ, созерцать ихъ, нужно самому возвыситься до міра умопостигаемаго. Подобно тому, какъ мы въ мірѣ чувственномъ протягиваемъ руку или открываемъ глаза, чтобы воспринять чувственный образъ, такъ и въ мірѣ умопостигаемомъ мы должны подняться на высоту духовнаго созерцанія, чтобы воспринять пребывающее въ сверхчувственномъ небесномъ мѣстѣ. Поэтому вопросъ о томъ, совершилось ли въ «дѣйствительности» то, что разсказано въ символахъ, есть вопросъ ничтожный, не идущій совершенно къ дѣлу, вопросъ, такъ сказать, «смердяковскій». Въ родѣ того, какъ если бы кто, вмѣшавшись въ разговоръ о цѣнности картины великаго мастера, сталъ бы справляться о рыночной стоимости красокъ, которыми она написана. Такая стоимость, конечно, имѣется въ дѣйствительности, но она ничтожна и не имѣетъ никакого отношенія къ художественной цѣнности. Точно также и символическія событія иногда, и даже очень часто, имѣютъ мѣсто въ эмпирической дѣйствитель-

ности. Но дѣло не въ этомъ, а въ являе-
момъ ими потустороннемъ мірѣ, мірѣ
сверхреальномъ. Какъ мы уже неодно-
кратно и по разному поводу замѣчали,
ссылка на вымыселъ и художественное
изобрѣтеніе здѣсь ничего не даетъ и очень
напоминаетъ молверовскаго врача, объяс-
нявшаго снотворность опиума заключенной
въ немъ усыпительной силой. Этимъ и
объясняется, почему для лицъ, неспособ-
ныхъ возвышаться до міра умопостигае-
маго и ползающихъ во прахѣ, подобно
библейскому змію, рассказы о символи-
ческихъ событіяхъ теряютъ смыслъ и
становятся совершенно непонятными. Не
поддается учету весь тотъ пошлый и без-
смысленный вздоръ, который былъ из-
рыгнуть по поводу символики Фауста
Гете, до сихъ поръ остающейся книгой за
семью печатями для огромнаго большин-
ства не только читателей (которыхъ, въ
сущности, очень мало), но и присяжныхъ
критиковъ изъ породы какъ «мысля-
щихъ» (!) радикаловъ, такъ и на все плю-
ющихъ «діалектическихъ матеріалистовъ».
Такъ, для Брандеса, напримѣръ, абсолют-
но непонятны важнѣйшія заключитель-
ныя сцены «Перъ Гюнта». Причемъ для
большинства критиковъ эта поэма оказы-
вается лишь злой сатирой на земляковъ
поэта. Какъ тутъ не вспомнить о русскихъ
критикахъ вродѣ Чернышевскаго (съ ко-
торыми, кстати, вздорно-тупой Брандесъ
имѣетъ много общаго во всѣмъ смыслѣхъ),
усмотрѣвшихъ въ страшныхъ некрофили-
ческихъ (*νεκροβία* — мертвецъ, *φιλέω* —
люблю) символахъ Гоголя... обществен-
ныя обличенія въ стилѣ Добролюбовска-
го бездарно-шутовскаго «Свистка».

По странной ироніи судьбы, и въ
этихъ безконечно суженныхъ, «лягу-
шачьихъ перспективахъ», есть своя доля
истины. «Строительская», «дергающаяся
неврастенія», которой поглощается без-
смертный Фаустовскій духъ, временное
въ Перъ Гюнтѣ, возстающее про-

тивъ вѣчнаго въ немъ, временный Кесарь,
возстающій противъ вѣчнаго Галилеяни-
на—все это вѣдь борьба эмпириі съ сим-
воликой. И мы понимаемъ скорбный во-
просъ о Перъ Гюнтѣ, выдвигающійся въ
концѣ поэмы:

Да, гдѣ онъ былъ? Онъ самъ
Съ печатью божественнаго предпопре-
дѣленія
Таковъ, какимъ его Господь заду-
малъ... *)

Павшее и ставшее конечнымъ бы-
ваніе обличается передъ лицомъ по-
слѣдней правды, обнаруживаетъ свою де-
фективность въ лучахъ вѣчнаго бытія.
Идеаль, наивысшее совершенство (*maxi-
mum perfectionis*, по Канту) всегда есть
судъ надъ эмпирической дѣйствитель-
ностью, искаженной различными формами
зла и грѣха. «Бывающее» — эмпириче-
ское бытіе — стискивается какъ бы меж-
ду молотомъ и наковальней между своимъ
идейнымъ источникомъ и идеальнымъ на-
значеніемъ *).

Чтобы показать, что это дѣйстви-
тельно такъ, что передъ лицомъ высшаго
бытія и вѣчнаго совершенства не можетъ
устоять никто изъ странствующихъ по
землѣ грѣха, сравнимъ крушеніе Фаустов-
скаго замысла Гете съ паденіемъ двухъ
богато одаренныхъ лицъ, созданныхъ ху-
дожественной интуиціей Ибсена. Рѣчь
идетъ объ императорѣ Юліанѣ Отступни-
кѣ на поприщѣ историческомъ и о Перъ

*) Перъ Гюнтъ — послѣднее дѣйствіе.

*) Замѣчательно, что Кантъ съ присущей
ему гениальной зоркостью утверждалъ опре-
дѣляемость идеала вопліи или только идей
(*durch die Idee allein bestinembares...
Ding*. Кр. чист. разума стр. 452). Идея та-
кимъ образомъ лежитъ въ основѣ идеала.
Идеаль есть понятіе этическое, онъ относит-
ся къ сферѣ должнаго по Фихте (*was sein
soll*. Наукоученіе стр. 264). Онтологія та-
кимъ образомъ первенствуетъ надъ этикой
и является ея источникомъ.

Гюнтъ — на личномъ жизненномъ пути.
Здѣсь невольно на душу приходитъ потрясающій вопль, вырвавшійся изъ груди неизвѣстнаго творца сто восемнадцатаго псалма:

«Странникъ я на землѣ, научи меня
уствамъ твоимъ».

Церковь напутствуетъ усопшаго, прошедшаго сквозь ужасъ послѣдней катастрофы, именуемой смертью, именно этими словами. И Фаустъ, и Юліанъ Отступникъ, и Перъ Гюнтъ — странники (характерно, что «Божественная Комедія» Данте и «Одиссея» Гомера суть великія повѣсти о странствіи). Вотъ гдѣ удобопримѣнителенъ діалектической методъ, ибо и діалектика есть повѣсть о трагическомъ странствованіи безсмертной мысли между Сциллой тезиса и Харибдой антитезиса! Длинноухимъ сторонникамъ т. наз. діалектическаго матеріализма и въ голову не приходитъ искать діалектики именно здѣсь. Они тоже «странники», но безъ діалектики, и сильно напоминаютъ образъ нѣкоего странствующаго животнаго средневѣковыхъ мистерій:

*Orientis partibus
Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus
Sarcinis aptissimus.*

Но всѣ они — и Фаустъ, и Юліанъ, и Перъ Гюнтъ — являются роковыми заблуждающимися.

Они не догадываются о томъ, «что дѣлать», между тѣмъ, какъ

Нужна догадка, Перъ,
а когда пытаются оправдываться:

Да, но какъ часто
Обманываютъ насъ догадки наши —
Такъ изъ-за этого и погибать?

Тогда на потустороннемъ судѣ отвѣчаютъ:

Приходится, Перъ Гюнтъ. И собираетъ
Средь недогадливыхъ рогатый жатву.

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы нечеловѣческая жестокость. Но въдь это лишь обратная сторона нечеловѣческаго, или вѣрнѣе — сверхчеловѣческаго, божественнаго въ человѣкѣ — его *privilegium odiosum* *). Человѣкъ не можетъ и не долженъ ошибаться въ дѣлѣ избранія своихъ путей. «Первая свобода (возможность негрѣшить)» приводитъ къ перепутыванію и запутыванію своихъ путей, къ заблужденію и блуду во всѣхъ смыслахъ. Ею человѣкъ пользуется такъ, что онъ уже «не можетъ не грѣшить» и не можетъ своими силами придти ко «второй свободѣ» — къ «невозможности грѣшить» — пользуясь терминологіей блаж. Августина. Грѣхъ — дурное использованіе «первой свободы» — приводитъ къ затемненію познанія, къ «недогадливости», къ тому, для чего на богословскомъ языкѣ существуетъ терминъ — «прегрѣшенія» (соотв. ошибкамъ). И вотъ осыпанный богатѣйшими дарами избранникъ Божій, запутавъ всѣ пути въ роковомъ и страшномъ клубкѣ самопротиворѣчій, выгавъ изъ діалектики въ путаницу, стоитъ у вратъ вѣчности въ полной безпомощности; ибо передъ нимъ возникаетъ рядъ задачъ, безконечно трудныхъ, и которыя должны быть тѣмъ не менѣе выполнены во что бы то ни стало. Одураченный соблазнами самодовольной и самодостаточной самости, даже и въ послѣдній часъ онъ лишенъ возможности въ какомъ бы то ни было смыслѣ «догадаться» относительно «путей Божіихъ неисповѣдимыхъ» — ему остается жалкое оправданіе уже бесполезнаго самоуничженія:

*) Выраженіе проф. о. Сергія Булгакова.

Во всякомъ случаѣ, могу назваться скорѣй осломъ, чѣмъ грѣшникомъ большимъ.

Объ этомъ мало почетномъ эпитетѣ мы уже имѣли случай упоминать. Вся бѣда въ томъ, что «большимъ осломъ» и «недогадливымъ» человѣкъ дѣлается на почѣ своей грѣховной ограниченности, вѣрнѣе — грѣховнаго самоограниченія. И вотъ тогда-то онъ, поставленный въ необходимость разрѣшить либо историческую проблему (императоръ Юліанъ), или проблему жизненнаго пути (какъ Перъ Гюнтъ), либо того и другого вмѣстѣ (какъ Фаустъ) — терпитъ крушеніе.

Невозможно представить себѣ что-нибудь ошибочнѣе и грѣховнѣе стремленія видѣть въ такихъ лицахъ, какъ Перъ Гюнтъ, Фаустъ, Юліанъ Отступникъ, нѣчто внѣшнее, а самому становиться въ благородную позу обладателя чистыхъ ризъ, съ безсмертнымъ афоризмомъ на устахъ: «моя хата съ краю». Нѣтъ, и Пееръ Гюнтъ, и Фаустъ, и императоръ Юліанъ, какъ многіе другіе герои Шекспира, Достоевскаго, Сервантеса и древнихъ трагиковъ, — вѣдь это все мы — человѣчество, это наше великолѣпіе и наше позоръ.

Мучительная и величественная повѣсть объ этомъ крушеніи индивидуальных избранниковъ является темой обоихъ шедевровъ Ибсена («Перъ Гюнтъ», «Кесарь и Галилеянинъ»), и Гете («Фаустъ»). Какъ имъ и подобаешь, герои трагедіи терпятъ крушеніе. Но кромѣ того, Ибсенъ и Гете заняты великой проблемой метафизической судьбы самой личности, ужасами потусторонняго суда надъ ней. Но результаты этого метафизическаго суда настолько различны, настолько существенно разнородны у обоихъ поэтовъ, что можно говорить о настоящей онтологической пропасти между ними.

Пропасть эта сказывается въ томъ, что

Ибсену удалось соблюсти высокую мѣру философской и художественной объективности. Онъ не пощадилъ ни своего героя, ни въ немъ — самого себя. И, словно, оправдалъ свое безсмертное изреченіе:

«Творить? — То, значитъ, надъ собою Нелицемерный судъ держать».

Гете потерпѣлъ крушеніе своего собственнаго замысла — и не только не замѣтилъ этого, но, повидимому, счелъ его за вящее торжество. Печальное зрѣлище! Великая грусть и великое негодованіе охватываютъ насъ при видѣ этого поразительнаго сниженія моральнаго и поэтического чутія одного и изъ величайшихъ поэтовъ и мыслителей. Впрочемъ, причины этого страшнаго и позорнаго крушенія теперь до нѣкоторой степени проясняются.

Въ Гете была ужасающая двойственность гениальной мудрой интуиціи вѣчноюной, вѣчно-свѣжей, и жалкой, пошлой дряхлости просвѣтительскаго свободомыслия, старческой токсинъ котораго отравили многое множество сильныхъ умовъ и богато одаренныхъ поэтическихъ натуръ. Эта двойственность особенно чувствуется, если будемъ читать его «Разговоры съ Эккерманомъ», — гдѣ Гете очередно оборачивается къ намъ то лицомъ мудраго дитяги, то свободомыслящаго старикашки. Ибсенъ не страдалъ недугомъ просвѣтительства или же страдалъ въ очень слабой степени. Духъ древнихъ скандинавскихъ сагъ, музыка суроваго сѣвернаго пейзажа, пламенная чистота философіи Киркегарда — все это, словно, огненнымъ кольцомъ окружило его душу, не допуская къ ней презрѣнныхъ плевелъ: преодолевъ Маріоборческое устремленіе протестантизма, онъ далъ своеобразный и гениальный вариантъ философско-поэтической Маріологии въ лицѣ Сольвейгъ, затемненный, впрочемъ, пошлѣйшей музыкой Грига. Элементы эсхатологической Маріологии, впрочемъ, имѣются и въ кон

цѣ второй части Фауста Гете... но что это за жалкая, за волосы притянутая Мариологія на службѣ у гуманитарно - просвѣтительскаго самооправданія!

Не то у Ибсена. Здѣсь Сольвейгъ, таинственно образуя Святѣйшую Мать, раскрываетъ свое лоно для напуганнаго ужасами небытія грѣшнаго и измученнаго ребенка. Ибсенъ показываетъ, что крушеніе это есть результатъ внутренней несостоятельности, полнаго обнищанія, обѣднѣнія и оголѣнія души, растерявшейся на жизненномъ пути всѣ свои Богомъ данныя таланты.

«Какой же нищезо душѣ вернуться

Приходится въ туманное ничто».

Отъ этого «ничто» и спасаетъ своей материнской любовью таинственная Сольвейгъ — Солнечная Дѣва. Въ этомъ смыслѣ — драма Ибсена — произведеніе глубоко христіанское по своему міросозерцанію — она радикально противоположна языческой эллинской трагедіи съ ея безысходностью самоопредѣливашаго героя, застыващаго въ яростной схваткѣ со слѣпымъ и бессмысленнымъ рокомъ (Прометей!).

Далеко, равнымъ образомъ, Перъ Гюггъ отъ антропологической романтики, которой столь много въ Фаустѣ съ его мечтательнымъ отношеніемъ къ «вѣчно-женственному» и далеко не мечтательнымъ, но скорѣе хищническимъ использованіемъ жизни вмѣстѣ съ этимъ самымъ «вѣчно-женственнымъ». Жажда полноты земной жизни въ ея конфликтѣ съ полетомъ ввысь, борьба «двухъ душъ» — конечно, все это входитъ и въ поэтическую ткань «Перъ Гюнта». Но надъ всѣмъ этимъ здѣсь совершается высшій потусторонній, метафизическій судъ. У Гете не хватило ни мужества, ни силъ всмотрѣться въ потустороннюю мглу, окутавшую уходящаго въ вѣчность героя. Онъ не захотѣлъ приблизиться къ «страшному престолу Господа Славы», словно испугавшись — и вполне справедливо — что въ огнѣ

правды, окружающей Божественный Престоль, сгорятъ дерево и солома злыхъ и кровавыхъ игрушекъ Фаустовскаго строительства. Вмѣсто этого, онъ пропѣлъ ему гуманистическое славословіе на почвѣ банальнаго, чисто нѣмецкаго (и обще-европейскаго) культуръ-трегерства, кстатіи сказать, безпощадно осмѣяннаго въ первой сценѣ четвертаго дѣйствія Перъ Гюнта. Искусственнѣйшій «мистическій хоръ» дѣланый и неискренній, которымъ будто бы поется оправданіе грѣхамъ и непотребствамъ Фауста, равно какъ и «вѣчно-женственное», о которомъ тамъ идетъ рѣчь, есть по существу ни что иное, какъ обнаруженіе очень хорошо вскрытой Н. Федоровымъ сексуально - материалистической подосновы европейской буржуазной цивилизации. Здѣсь и Фаустъ, и его творецъ являются уже не субъектами, а объектами. Однако, творческая правда прорывается и здѣсь сквозь стѣну тенденціозной условности. Правда, эта очень тяжелая: реальныя плоды связи Фаустовскаго чело-вѣка съ Мефистофелемъ — всегда одни и тѣ же: — убійства. Ибо сатана «человѣкоубійца искони». Въ первой части реальными послѣдствіями связи Фауста съ сатаной являются: убійство ребенка Маргариты, отравленіе ея матери, убійство Валентина и, наконецъ, — казнь самой Маргариты. Здѣсь геніемъ автора показано чудо превращенія результатовъ сатанинской злобы въ искупительную и освящающую жертву. Но самъ Фаустъ здѣсь рѣшительно не при чемъ или, если и при чемъ, то при самомъ худомъ. Во второй части плодомъ Мефистофелиады является убійство Филिमона и Бавкиды, сожженіе ихъ мирнаго гнѣзда и церкви, колокольный звонъ которой былъ такъ отвратителенъ Мефистофелю, и Фаусту (знаменательное совпаденіе вкусовъ!). На этомъ воистину проклятомъ мѣстѣ, обогренномъ кровью столькихъ невинныхъ жертвъ, Фаустъ думаетъ воздвигнуть нѣчто. Здѣсь, словно,

карикатура на финаль первой части. Тамъ Богъ обращаетъ кровь въ искупленіе, здѣсь осатанѣвшій Фаустъ — въ липкій цементъ новой вавилонской башни.

Но да будетъ проклято это трижды проклятое дѣло на проклятомъ мѣстѣ! Не мистическій хоръ, но грозный голосъ Судии Праведнаго долженъ былъ бы прозвучать надъ этимъ дѣяніемъ разбойничаго собора: — «идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его».

Великій Ибсенъ имѣлъ мужество осудить своего героя и надъ нимъ сбываются слова — «судимы здѣсь наказуемся да не съ міромъ осудимся».

Мы называемъ Перъ Гюнта «Вторымъ Фаустомъ» не только по той причинѣ, что въ немъ по новому поставлены вѣчныя проблемы странствованія «фаустовскаго человѣка», но и по тому, что надъ нимъ здѣсь совершается нелицемѣрный судъ, — повторяя выраженіе самого Ибсена. Судъ всесокрушающій и беспощадный надъ всякимъ антропоцентризмомъ, надъ всякимъ самодовольствомъ.

Перъ Гюнтъ есть, слѣдовательно, не только «второй Фаустъ», но въ извѣстномъ смыслѣ и «Антифаустъ».

Парижъ.
іюль — 1932.

В. Н. Ильинъ

Послѣ съѣзда въ Менюль

(Рус. Студ. Христ. Движеніе во Франціи).

Трудно, почти невозможно, въ краткой замѣткѣ отозваться съ исчерпывающей полнотой на крупное событіе, имѣвшее мѣсто въ средѣ русскаго парижскаго общества въ іюльскіе дни истекшаго лѣта. Я говорю о конференціи Русскаго Христіанскаго Студенческаго Движенія въ Менюль подъ Парижемъ. Я хочу подчеркнуть не особенную численность этого собранія и даже не потрясающую эффективность или импозантность его теченія. Наоборотъ, что касается численнаго состава, послѣдняя конференція была скорѣе небольшой и съ внѣшней стороны, вѣроятно, какъ всегда, скромной. Но никогда можетъ быть, такъ не чувствовалось, что это дѣло — не просто человѣческое дѣло, но въ силѣ и въ духѣ Божиемъ, утверждающійся трудъ. Авторъ этой замѣтки не членъ Движенія, а наблюдатель, склонный скорѣе скептически относиться къ методамъ и приѣмамъ работы названной организаціи, но я свидѣтельствую,

что такое біеніе испытующей мысли и огонь живого духа, которые обнаружила эта конференція, не могли бы вмѣститься во внутренно порочномъ организмѣ.

Я не могу здѣсь за недостаткомъ мѣста входить въ подробное разсмотрѣніе, сдѣланныхъ на конференціи докладовъ и прочитанныхъ лекцій. Этому будетъ несомнѣнно удѣлено особое мѣсто въ настоящемъ изданіи. Цѣль моей замѣтки я ограничиваю общей характеристикой настроенія и основной установки конференціи. Достаточно назвать нѣкоторые изъ предложенныхъ докладовъ — «Миръ и Богъ» (Проф. В. Н. Ильинъ), «Тайна Церкви» (Проф. Прот. Сергій Булгаковъ), «Богъ и социальная правда» (И. А. Лаговскій), «Современность и этика» (Проф. Б. П. Вышеславцевъ), чтобы почувствовать и понять, съ какимъ ослѣпительнымъ блескомъ отъ косной и богоборческой матеріи нашей дѣйствительности отскакались острия угловатости. Я не могу обойти мол

чанієм и особо долженъ подчеркнуть совершенно исключительный по силѣ и красочности докладъ Б. П. Вышеславцева. Выслушанный съ трепетнымъ вниманіемъ онъ оставилъ чарующее впечатлѣніе вдохновенной музыкальной композиціи.

Что касается общаго настроенія, царившаго на конференціи, то я не нахожу возможнымъ его иначе опредѣлить, какъ дружеское довѣріе при высококомъ пониманіи важности поставленныхъ проблемъ. И я считаю совершенно не случайнымъ, что тѣ, извѣстныя участникамъ конференціи, вольныя или невольныя попытки «случайныхъ» ея участниковъ направить соборную волю въ мелкое русло національныхъ и политическихъ страстей потерпѣли рѣшительное пораженіе. Если, какъ подчеркнул Б. П. Вышеславцевъ въ своемъ замѣчательномъ словѣ, высшія цѣнности (святость святаго) и являются наиболѣе хрупкими и уязвимыми, то, съ другой стороны, имъ принадлежитъ и внутренняя неотъемлемая онтологическая крѣпость (Богъ — святой, и Онъ крѣпкій). Высокое сознаніе участниками конференціи того, что задачи, стоящія передъ ними не есть дѣло только человѣческое — дрова, сѣно, солома — но дѣло строительства Града Божьяго, сдѣлало невозможнымъ проникновеніе въ мысли и чувства недостойныхъ извращеній и срывовъ.

Движеніе, чтобы жить, должно расти и развиваться. Но если будущій съѣздъ удержится даже только на достигнутой степени любовно - дружескаго общенія его сотрудниковъ, это будетъ уже достаточнымъ свидѣтельствомъ, что мы стоимъ у дѣла, гдѣ не все принадлежитъ только человѣческому дерзновенію, но, что сила Божія почіетъ на немъ.

Съ первыхъ дней конференціи меня занимала одна и та же мысль: «Движеніе... Да въ чемъ же его реальная сила? Уже ли вотъ этотъ уголокъ на Монпарнасскомъ бульварѣ можетъ мечтать о какой-

либо исторической роли?» Въ нахлынувшей стихіи невѣжественнаго матеріализма и грубаго богоборчества ему не къ чему привязаться и не на чемъ, какъ будто, начертать свое имя въ исторіи. Но какъ отлично показалъ въ своемъ докладѣ И. А. Лаговскій, жажда подлинной соціальной правды не только не покидаетъ духа Россіи, хотя и замутняется порочнымъ коммунизмомъ, но это есть то, что опредѣляетъ всю ея современность, что вдохновляетъ на борьбу и трудъ. Мнѣ думается даже, что переживаемое нами время во всемъ мірѣ отмѣчено этимъ исканіемъ, и черезъ формальный демократизмъ и социализмъ въ непросвѣтленномъ еще до послѣднихъ глубинъ сознанія роетъ новые пути къ общему дѣлу.

Всякій гимназистъ знаетъ это классическое опредѣленіе челов. какъ «животнаго общественнаго», но не всякій и изъ насъ способенъ эту внѣхристіанскую, хотя и великую соціологическую истину раскрыть въ христіанскихъ категоріяхъ онтологической соборности. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія этой послѣдней общественности человѣка есть только недостаточный феноменъ его ноумена: соборнаго Трїединства Пресвятой Троицы. Если человѣкъ созданъ по образу Божію, то и жизнь человѣка въ цѣломъ, въ существѣ всемъ, раскрывается въ подобіе Божественной жизни.

Въ Россіи, какъ нигдѣ, всегда была сильна эта страстная жажда соціальной правды и нигдѣ съ такой силой не утверждалась артельная и «мірская» соборная справедливость, какъ тамъ. И понятно, что соблазнъ коммунизма ее увлечь такъ легко и она ему такъ жертвенно отдалась. Пусть то, что мы видимъ, есть далекое и часто невѣрное угадываніе тайны. Но день все же наступаетъ, хотя мы и не думаемъ, что скоро увидимъ солнце во всемъ его блескѣ. Повидимому, новый день рождается сѣрымъ и надолго пасмур-

нымъ. Но какія бы тучи ни повисли надъ Россіей, за ними все равно и сейчасъ уже сияеть это солнце соборнаго и свободнаго труда.

Будущее мыслимо только въ этихъ понятіяхъ или его вообще у Россіи не будетъ.

Движеніе, Русское Христіанское Дви-

женіе, такъ, какъ оно обнаружило свое лицо на іюльской конференціи этого года, необходимо находить свое мѣсто въ будущемъ соборномъ строительствѣ христіанской Россіи. Въ этомъ принципиальная жизненность и напряженный смыслъ его духовныхъ утвержденій.

Да будетъ!

В. Куликовъ

Изъ писемъ.

«Изумительный докладъ прочиталъ Б. П. Вышеславцевъ. Всѣ говорили, что это — лучшее изъ всего, что они когда-либо отъ него слышали. Схематически основное содержаніе доклада можно — передать такъ. «Гобѣдителей не судятъ» — такова распространеннѣйшая «этическая истина» нашихъ дней — все отношеніе къ большевизму «культурной передовой Европы» построено на этомъ. Но эта «истина» нашихъ дней — величайшая ложь съ христіанской точки зрѣнія. Въ этой ходячей истинѣ — преклоненіе передъ фактомъ, предъ силой, предъ матеріальной самоочевидностью. Христіанство учитъ любить противоположное прочному — въ матеріальномъ смыслѣ, — оно учитъ любить именно хрупкое. Все подлинно возвышенное — хрупко, матеріально непрочно. Законъ непрочности болѣе высокаго наблюдается даже въ биологіи. Чѣмъ выше по біологической лѣстницѣ, тѣмъ менѣе прочно то или иное существо: чело-вѣкъ хрупче животнаго, животное — растенія, растеніе — камня. Особенно матеріально непрочны, хрупки духовныя цѣнности. Въ этой непрочности, обреченности на возможность гибели всего, что любить и чтить сердце — основной трагизмъ жизни. Одно Христіанство преодолеваетъ это. Христось — самое высшее и цѣннѣйшее — будучи хрупкимъ, какъ чело-вѣкъ (смерть и погребеніе), какъ Богъ — претворяетъ хрупкое въ несокрушимо-вѣчное. Воскресши, Онъ — залогъ вос-

крешенія всѣхъ, кто, возлюбивъ высшее, погибъ (какъ кажется «людямъ міра сего») во имя своей любви къ хрупкому *).

Рѣчь Б. П. Вышеславцева, это — удивительная, «жемчужная» красота. Всѣ слушали, подлинно, затаивъ дыханіе.

Ночи стоятъ чудесныя — теплыя, лунныя. Дни перемежаются. Вчера — весь день безоблачный. Но вечеръ «паутиной облаковъ обметаль синеву». Сегодня «серебряный день со слезой» — такіе ливни набѣгаютъ, что изъ-за шума капель не слышать словъ. А въ общемъ, хорошо — тихо, свѣтло, свѣжо, зелено. И. А. Лаговскій говорилъ о новыхъ сдвигахъ соціального отгѣнка въ религіозной жизни Сов. Россіи, приводилъ много примѣровъ *). Поднялась буря. Докладчика обгнали въ «романтизованіи совѣтской дѣйствительности», въ томъ, что, говоря объ активности, не слѣдуетъ указывать на большевицкую активность, какъ на мотивъ къ собственной активности. Б. П. Вышеславцевъ въ пухъ и прахъ разнесъ коллективизмъ, подавляющій свободу, уни-чтожающій личность, превращающій Рос-

*) Докладъ Б. П. Вышеславцева и другіе доклады, въ записи одного изъ слушателей, будутъ напечатаны вскорѣ въ «Вѣстникѣ».

*) И. Лаговскій. «Богъ и соціальная правда въ СССР». «Новый Градъ», № 4, 1932 г.

сію въ страну «непогребенныхъ мертвецъ»... И. А., заключительное слово которому было предоставлено на слѣдующій день (вечеромъ, когда былъ докладъ, такъ много было высказывающихся, что для заключительнаго слова не осталось времени), прежде всего, рѣшительно отвергъ обвиненія въ склонности къ своеобразной «совѣтской романтикѣ». Онъ знаетъ то, что творится въ Сов. Россіи и ничего не забываетъ этого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — нужно признать, что религиозно - социальная пытливость и активность, обнаружившаяся среди религіозниковъ въ Сов. Россіи, — важный фактъ религіозной дѣйствительности, по-новому и отвѣтственно ставящій передъ нами проблемы христіанской активности... «Православіе, — говорилъ И. А. Лаговскій, — зоветъ къ работѣ и надъ міромъ; человекъ призванъ быть «вторымъ творцомъ», соработникомъ Богу. Рай былъ потерянъ и не будетъ «возвращеннаго рая», а будетъ, какъ свидѣтельствуетъ Апокалипсисъ — градъ, нѣчто, созданное и человѣческими усиліями, и человѣческимъ творчествомъ. Формальная свобода, которую такъ убѣдительно защищала въ своей критикѣ коллективизма Б. П. Вышеславцевъ, свята, и безъ нея нѣтъ человѣческаго существованія, но сама по себѣ она не достаточна. Безъ **содержанія**, оставаясь только **формальной**, не становясь послушаніемъ Христу въ дѣйствіи устроения своей жизни и жизни социальной по ученію Христа, свобода становится бременемъ и проклятіемъ. Въ этомъ бремени проклятія **формальной**, не дѣйствующей свободы — корень современной тоски, владычущей міромъ, объясненіе странной тяги къ коммунистическому опыту многихъ и притомъ не худшихъ, а именно лучшихъ въ Западномъ мірѣ. Свобода не можетъ получить содержательности въ изолированности, въ отдѣленности. Только въ

соборности, въ Церкви, въ послушаніи Христу дается путь истинной, содержательной свободы и активности. Здѣсь свобода становится радостью, а не проклятіемъ непереносимаго и томящаго бремени. Въ Сов. Россіи это чувствуютъ глубже, чѣмъ мы. Но мы пользуемся даромъ формальной свободы, и поэтому на насъ лежитъ великая задача — проблематику свободы, остро чувствуемую въ Сов. Россіи, принять какъ задачу, стоящую передъ нами, изъ нея исходить при рѣшеніи основныхъ вопросовъ о путяхъ Движенія. Движеніе должно дать опытъ **цѣльностной** жизни, стать непрестаннымъ трудомъ надъ созданіемъ такой жизни, соединивъ напряженныя исканія съ дробнымъ и настойчивымъ осуществленіемъ новой дѣйствительности».

**

«Полковникъ Фабръ (организаторъ лагерей, всегда внимательно и съ любовью относящійся къ намъ) просилъ во что бы то ни стало выступить на кострѣ для французскихъ мальчиковъ съ русскими пѣснями. Хорошо вышло, въ общемъ. Особенно удалось «Эй, ухнемъ». Начали пѣаниссимо, раздули и, стихая, умерли въ дали. Французы долго аплодировали... А въ субботу — искушеніе. Полковникъ Фабръ за свою работу получилъ награду и прибѣжалъ подѣлиться съ нами своей радостью. По случаю полученія награды онъ рѣшилъ устроить «экстраординарный» костеръ для мальчиковъ и просилъ насъ снова обязательно выступить. А у насъ уже говѣніе. О. Сергій и бесѣду передъ исповѣдью провель. Объяснили полковнику. Принялъ, но ушелъ, видимо, огорченный. О. Сергій, подумавъ, нашелъ чудесный выходъ любви — онъ посоветовалъ чуть-чуть задержаться съ началомъ всенощной, а Фабра порадовать. Собравшись у костра, пропѣли «Коль славенъ» и «Многая лѣта», предваритель-

но объяснивъ, что мы будемъ пѣть. Мальчики встали. А потомъ качали полковника. Вышло неожиданно, но чудесно. Кто-то крикнулъ «качать полковника!», взялись дружно, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ десятокъ рукъ осторожно поднимать его вверхъ, опустили, опять плавно поднимать. Отъ неожиданности полковникъ даже немного растерялся, а потомъ хохоталъ, какъ ребенокъ. А мальчишки были въ дикомъ восторгѣ».

Съѣздъ былъ просто исключительнымъ по своей глубинѣ, единству и богатству. Молились, слава Богу, сильно. Э. Ив. Макъ-Нотень немного испугался, — говорить: «Это не съѣздъ Движенія, а лиги Православной культуры». А мы всѣ такъ довольны, что и не скажешь: всѣ участники жили съѣздомъ «для себя», глубоко и подлинно. Это придавало съѣзду и большую напряженность, и острую углубленность. Такіе споры бывали, что только когда, дѣйствительно, «за душу взяло», такъ спорить можно. Но какъ идейно ни горячились, какъ ни кричали въ пылу споровъ, — все время въ глубинѣ были едины. Это очень поразило всѣхъ, впервые бывшихъ на съѣздѣ. «На многихъ съѣздахъ, — говорили, — приходилось бывать. И на третій день, при наличіи, казалось, меньшей остроты въ постановкѣ вопросовъ, всѣ уже ссорились и становились врагами, а у васъ — наоборотъ, чѣмъ острѣе вы спорите другъ съ другомъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ ваше единство и внутреннее согласіе». Это подчеркнул въ своемъ послѣднемъ словѣ и Н. М. Зерновъ, сказавъ, что съѣздъ далъ дѣйствительный образецъ «соборности».

Сильное впечатлѣніе произвелъ образъ, употребленный И. А. Лаговскимъ въ его выступленіи на послѣднемъ собраніи. «Въ Россіи, — говорилъ онъ, — какъ это здѣсь подчеркивали, много «непогребенныхъ мертвецовъ». Но эти мертвецы — наши. Мы съ ними тайно и неразрывно связаны, и пока они «мертвецы», и мы не живые еще. Въ Великую Субботу Церковь предъ гробомъ Спасителя положила читать чудно - потрясающее пророчество - видѣніе пророка Іезекииля о «сухихъ костяхъ». «Вотъ поле, полное сухихъ, даже изсохшихъ костей». «И се сухи зѣло», — говорится въ пророчествѣ. Господь спрашиваетъ пророка: «Сынъ человѣчь, оживуть ли кости сія?» «Сынъ человѣчь» отвѣчаетъ: «Ты, Господи, одинъ знаешь это». Повинуясь слову Господа, «сынъ человѣчь» прорекъ «о костяхъ». И кости поползли одна къ другой, каждая нашла свое, каждая съ другой стала «составомъ», покрылись жилами, облеклись тѣломъ, но духа еще не было въ нихъ. По слову Господа, пророкъ изрекъ и о духѣ. И вмѣсто поля, полнога сухихъ костей, предъ нимъ стояло множество единыхъ въ любви и хвалѣ Создателю людей. «Движеніе, — закончилъ И. А., — въ наши дни подлинно «Сынъ Человѣчь». И намъ Господь повелѣваетъ «прорещи о духѣ» для костей и тѣлъ мертвецовъ и въ Россіи, и здѣсь».

Тотчасъ послѣ заключительнаго собранія отслужили и благодарственный молебенъ. О. Сергій Четвериковъ на эктениіи вставилъ чудесное, имъ составленное, но безъ одного «своего» слова, прошеніе о томъ, чтобы Господь сохранилъ и укрѣпилъ въ насъ память о всемъ, что было пережито здѣсь».

Въ Пюхтицкомъ монастырѣ

(Съѣздъ Р. С. Х. Движенія въ Прибалтикѣ).

Пріѣхали усталые, сонные. Встрѣтила насъ Нарва. Съ пѣніемъ «Царице моя преблагая» вошли въ ворота монастыря. Монастырь поразилъ своимъ ласковымъ видомъ — на фонѣ зелени и голубого неба — красныя стѣны и сверкающіе на солнцѣ кресты. Мы (7 человекъ) никакъ не могли найти такого помѣщенія, чтобы помѣститься всѣмъ вмѣстѣ. Толкнулись туда-сюда. Вездѣ есть два-три мѣста, но для всѣхъ — нигдѣ. Пошли къ хозяйкѣ «Петербургскаго домика» (такъ называется одна изъ монастырскихъ построекъ). Она говоритъ: «Есть у насъ веранда, да ключа никакъ подобрать не можемъ, а двери съ другой стороны заколочены. Откроете — берите себѣ: тамъ мѣста всѣмъ хватить». Не долго думая, попросили топоръ и взломали дверь. Вымыли полъ, побѣжали за сѣномъ, постлали кровати — чудесно стало. Вся комната — сплошная кровать, и метръ чистаго пола — для чемодановъ. Уютно здорово.

**

На съѣздъ съѣхалось свыше 160 человекъ — изъ Эстоніи, Латвіи, Финляндіи. 160 — цифра для Прибалтики весьма скромная. Общій экономическій кризисъ многихъ лишилъ возможности пріѣхать на съѣздъ. Съѣздъ состоялъ изъ двухъ частей — изъ дѣлового и общаго. Времени было мало — правительство разрѣшило съѣздъ при условіи, если онъ будетъ длиться не болѣе 7 дней (мы хотѣли устроить десятидневный). Чтобы не «смять» общаго съѣзда, дѣловой пришлось сократить до двухъ дней. Работать пришлось «сгущенно». Кромѣ того, въ эти же семь дней, кромѣ двухъ съѣздовъ съ ихъ работой, состоялись засѣданія Совѣта

Движенія Эстоніи, Латвіи, Объединеннаго Совѣта Прибалтики, два засѣданія, посвященныя «Вѣстнику», собраніе по организаціи Религіозно - Педагогическаго Бюро, два собранія въ связи съ Содружествомъ при Введенской церкви.

Первый разъ дѣловой съѣздъ прошелъ безъ участія секретарей Центра. Правительство разрѣшило «иностранцамъ» быть на съѣздѣ только пять дней. Чтобы дать возможность пріѣхавшимъ изъ Парижа о. Сергію Четверикову, В. В. Зѣньковскому и м. Маріи (Скобцовой) принять участіе въ общемъ съѣздѣ, пришлось дѣловой съѣздъ провести безъ нихъ.

На дѣловомъ съѣздѣ были прочитаны два большихъ доклада — одинъ Н. П. Литвинымъ: «Внутреннія трудности Движенія», и другой — на ту же тему, Т. Е. Дезень. Дѣловая работа съѣзда сосредоточилась въ шести коммиссіяхъ: 1) Коммиссія по работѣ съ мальчиками (А. Буковскій), 2) Коммиссія по работѣ съ дѣвочками (В. Дезень), 3) по работѣ съ юношествомъ и по работѣ въ кружкахъ (Т. Дезень и Н. Литвинъ), 4) по работѣ въ деревнѣ (В. Бухгольцъ), 5) по работѣ въ воскресныхъ школахъ (А. Драгунова, 6) административная (М. Ридигеръ).

Намъ, молодежи, казалось страшно важнымъ все то, о чемъ мы говорили. А говорили мы всё о тѣхъ трудностяхъ, которыя мѣшаютъ развиваться движенскому дѣлу, думали о способахъ устраненія этихъ трудностей, приходили къ тому или иному рѣшенію. Впрочемъ, со стороны, вѣроятно, много можно было замѣтить наивнаго, неопытнаго, дѣтскаго. Мы сами этого не замѣчали.

Характерной чертой дѣлового съѣзда было недовольство тѣмъ, что мы въ Дви-

женіи много говоримъ и мало заботимся о претвореніи словъ въ дѣла. Слова — «больше дѣла» болѣзненной ноткой пронизали весь дѣловой сѣздъ. Они невольно заставляли всѣхъ серьезно и отвѣтственно относиться къ высказываемому. Этимъ дѣловой сѣздъ вполнѣ оправдалъ самъ себя. И что еще очень важно — онъ окончательно скрѣпилъ Движеніе Латвіи и Эстоніи въ нѣчто цѣлое, нераздѣльное. Мы почувствовали себя прибалтійцами, что не всегда сознавалось.

ОБЩИЙ СѢЗДЪ.

1. Докладъ о. Сергія Четверикова — Познаніе Бога.
2. Докладъ В. В. Зѣньковского — Познаніе себя.
3. Докладъ матери Маріи — Нашъ путь.
4. Докладъ В. В. Зѣньковского — Служеніе Церкви.

Семинары.

1. о. І. Богоявленскаго — Аскетическій.
2. Р. Лозинскаго — Евангельскій.
3. А. М. Жаворонковой — Литургическій
4. В. Ф. Бухгольцъ — Экуменическій.
5. В. С. Хотенко — Соціальный.
6. Т. Е. Дезень — Литературный.

«Знаніе о Богѣ, — говорилъ о. Сергій, — часто застилаетъ **чувство** Бога. Знать о Богѣ не значитъ — почувствовать Бога, познать Его. Книжники и фарисеи очень много знали о Богѣ, но это не помѣшало имъ осудить на смерть Христа. У нихъ не было «страха Божія», т. е. отсутствовало чувство Бога. Для того, чтобы познать Бога дѣйствительно, надо жить такъ, чтобы между Богомъ и душой человѣка не было никакой преграды въ видѣ различныхъ кумировъ земного порядка. Два основныхъ кумира стоятъ между Богомъ и

человѣкомъ — гордость и чувственность. Устраненіе этихъ кумировъ — прямой путь къ познанію Бога. Имъ идутъ всѣ святые. Имъ шелъ нашъ великій писатель Ф. М. Достоевскій. Но есть и окольный путь — болѣе запутанный и трудный. Имъ шелъ гр. Л. Н. Толстой и все-таки не дошелъ до конца, не сумѣвъ побѣдить въ себѣ идола гордости. Всѣ мы должны знать своихъ кумировъ и бороться съ ними. Господь, видя наши неподдѣльные усилія, откроетъ намъ Себя въ Своей премудрости».

Докладъ В. В. Зѣньковскаго «Познай себя» глубоко затронулъ всѣхъ. «Существуютъ два рода познанія себя, — началъ В. В. Зѣньковскій, — 1) естественное самопознаніе, не требующее отъ человѣка особыхъ усилій, и 2) познаніе себя во Христѣ, дающееся человѣку съ большимъ трудомъ. Наша душа нуждается въ устроеніи. Каждый человѣкъ имѣетъ въ себѣ нѣчто данное и нѣчто заданное, что онъ долженъ развить въ себѣ какъ путемъ естественнаго самопознанія, такъ и путемъ самопознанія во Христѣ. Знать себя, значитъ не преувеличивать, но и не преуменьшать того, что есть въ насъ. Безпристрастная оцѣнка себя — великое достиженіе. Познаніе себя во Христѣ, въ свѣтѣ Христовомъ трудно, такъ какъ требуетъ перемѣны внутренняго существа человѣка, требуетъ истиннаго покаянія. Правильное познаніе себя предполагаетъ правильное отношеніе къ Богу. Ростъ во Христѣ — основная потребность духа. Путь этого роста — истинное покаяніе. Завершеніемъ доклада о познаніи себя, былъ второй докладъ В. В. Зѣньковскаго — «Служеніе Церкви».

«Самое главное въ Церкви, — говорилъ въ своемъ докладѣ В. В. Зѣньковскій, — соединеніе Божественнаго съ человѣческимъ. Церковь должна стать центромъ жизни. Жизнь въ Церкви — срастаніе съ

Ней, а сростаніе съ Ней — неуловимая тайна. Исчерпать возможности и пути служенія Церкви невозможно. Понятіе Церкви — многосторонне. Это и одухотворенный коллективъ, и братство, и благодатное единство всѣхъ, кто есть, былъ и будетъ. Церковь — таинственный и цѣлостный организмъ, тѣло Христово. Тайну Церкви объять невозможно. Нельзя смѣшивать Церкви съ храмомъ, съ духовенствомъ. Это внѣшніе образы внутренней реальности, выраженіе жизни Церкви. Задача служенія Церкви — явленіе въ видимомъ незримой реальности Церкви. Служеніе Церкви есть жизнь, здѣсь не можетъ быть дѣленія на «внѣшнее и внутреннее», а есть нераздѣльное соединеніе того и другого, есть единство жизни. Основное въ жизни Церкви — литургія. Съ нея и нужно начать служеніе Церкви. Понимать видимую жизнь храма — уже много значить для нашего церковнаго созрѣванія. «Служеніе Церкви» должно занимать основное мѣсто въ жизни Движенія. Въ служеніи Церкви мы не можемъ быть одни — мы должны итти съ проповѣдью ко всѣмъ, добиваться смыканія вокругъ Церкви всѣхъ живыхъ силъ. Церковь должна быть живой основой нашей жизни, вѣрнѣе, мы не должны быть «живыми трупами» по отношенію къ ней. Пути служенія Церкви — служеніе чрезъ приходы, трудъ при храмѣ, проповѣдь, созданіе братствъ борьбы съ безбожіемъ, трудъ надъ созданіемъ православной культуры и т. д..

Съѣздъ былъ чудеснымъ. Захватыва-

ла какая-то особенная дѣловая атмосфера. Отовсюду слышишь: «Никогда не забуду этого съѣзда». Костюмы изумительные. Рѣдкое исключеніе — обычное «европейское» платье. И костюмы не стилизованные русскіе — хотя есть и такіе, — а настоящіе старинные русскіе...

Среди съѣзда ходили встрѣчать икону. Дошли до лѣска верстахъ въ двухъ отъ монастыря. Оттуда икону съ пѣніемъ молитвъ на рукахъ понесли въ монастырь. Всѣ были въ русскихъ костюмахъ; свѣтило солнце, поднималась пыль, а надъ всѣмъ этимъ — убранная вѣнками, тихо плыла икона. Чистый высокій голосъ нашей запѣвалы начиналъ молитву, и сразу всѣ подхватывали.

Дни съѣзда — какъ полная чаша. Ходишь, разговариваешь, и какъ-то все время живешь «затаивъ дыханіе» — какъ бы не расплескать.

Въ воскресенье причащался весь съѣздъ. Всѣ были въ бѣлыхъ платьяхъ, сіяющіе и родные другъ другу. Отслужили благодарственный молебенъ, пообѣдали и стали складывать вещи. Пришелъ грузовикъ за первой партіей отъѣзжающихъ. Запѣли «Царице моя преблагая», всѣ закрестились. Грузовики отвозили отъ стѣнъ монастыря одинъ городъ за другимъ. Вотъ уѣхали Нарва и Валкъ. Затѣмъ Печеры и Юрьевъ, потомъ Рига и послѣднимъ Ревель съ «финляндцами». Но несмотря на то, что внѣшне мы снова раздѣлились, мы увезли съ собой внутреннее единство и нераздѣльность.

Послѣ съѣзда

Въ концѣ іюля въ Пюхтицкомъ женскомъ Успенскомъ монастырѣ въ Эстоніи состоялся годовой съѣздъ Русскаго Христіанскаго Студенческаго Движенія въ Прибалтикѣ.

Въ эстонской печати въ первые же дни съѣзда появились, къ сожалѣнію, замѣтки, говорившія о томъ, что подъ флагомъ религіознаго дѣла въ монастырь собралась русская монархическая молодежь,

руководимая эмигрантами изъ Парижа, для обсужденія вопроса о возстановленіи старой Россіи. Конечно, ничего подобнаго не было и быть не могло. Люди, по видимому, никакъ не хотятъ повѣрить тому, что въ наше время возможны собранія молодежи не только ради политическихъ или социальныхъ цѣлей, но и ради цѣлей чисто религиозныхъ, безъ малѣйшей примѣси политики или классовыхъ интересовъ. Религиозныя цѣли сами по себѣ, не какъ средство къ достиженію цѣлей «реальныхъ» и «конкретныхъ», представляются современнымъ людямъ чѣмъ-то слишкомъ отвлеченнымъ, нежизненнымъ, прѣснымъ и скучнымъ, тѣмъ болѣе, когда онѣ окрашены еще церковностью и православіемъ.

Людямъ трудно понять, что религиозная жизнь сама по себѣ, а особенно жизнь христіанская, православная, можетъ быть **цѣнностью**, безконечно превышающей всѣ другія цѣнности жизни государственной и общественной, и что по этой именно цѣнности можетъ истосковаться человѣческая душа вообще, и душа молодежи, въ частности, что душа можетъ жадать этой цѣнности, какъ какой-то цѣлительной купели сілоамской. И вотъ въ прошломъ году, въ той же самой Эстоніи, насъ обвиняли въ прислуживаніи интерконфессиональнымъ и интернациональнымъ масонамъ, а теперь подозрѣваютъ въ совершенно противоположномъ, въ національно-монархическихъ замыслахъ. Не хотятъ принять простую и ясную вещь — въ русской молодежи проснулась любовь къ Евангельской правдѣ, къ искренней и чистой жизни по Евангелію, къ родной святынѣ - хранилищѣ Евангельской правды и жизни — Православной Церкви.

Въ этомъ и только въ этомъ и заключается смыслъ русскаго христіанскаго движенія молодежи.

Молодежь ищетъ Царства Божія и правды Его, хочетъ видѣть это царство Божіе

и въ себѣ самой, и кругомъ себя, хочетъ видѣть его «пришедшимъ въ силѣ», хочетъ, чтобы всюду была чистота и правда, любовь и святость, чтобы не было лицемерія и формализма.

Русское Движеніе есть движеніе къ внутреннему и внѣшнему христіанскому возрожденію русской жизни.

Въ русскомъ обществѣ въ лицѣ этой вѣрующей и жаждущей жить своей вѣрой молодежи, обновляется образъ русской православной души. Это гораздо глубже и серьезнѣе всѣхъ политическихъ, националистическихъ и социальныхъ дѣлъ и разговоровъ, ибо здѣсь идетъ рѣчь о спасеніи самого основанія человѣческой жизни, о спасеніи человѣческой души. Необходимо рожденіе новой души, живущей Христомъ и со Христомъ. Надоѣли разговоры, безплодныя дѣла, не согрѣтыя живою, искреннею вѣрою. И о вѣрѣ не говорить только надо, надо ее ощущать, надо ею жить, и это есть **самая практическая задача** нашего времени, практическая въ гораздо большей степени, чѣмъ всѣ споры и вся борьба изъ-за текущихъ житейскихъ дѣлъ, большихъ и маленькихъ, которыя мы надѣемся устроить, не устраивая самихъ себя.

Пусть не говорятъ, что думать объ устроненіи себя — значить быть эгоистами. Дѣло здѣсь не въ эгоизмѣ, а въ постановкѣ всей человѣческой жизни на ея единственномъ правильномъ и крѣпкомъ основаніи — Христѣ.

Мы сказали, что въ христіанскомъ движеніи русской молодежи совершается **обновленіе** русской души. Это есть самое точное опредѣленіе самой существенной сторны совершающагося въ русской молодежи религиознаго процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое мы наблюдаемъ при обновленіи святыхъ иконъ? Икона остается та же, къ ней не прикасается ни одна человѣческая рука, никто ее не обновляетъ, но вчера еще тем-

ная и не имѣвшая даже опредѣленнаго облика, икона вдругъ **внутренне просвѣтляется**, въ ней ярко выступаютъ ея первоначальныя краски и очертанія, и она начинаетъ сіять передъ нами новою красотою, свѣжая и обновленная.

Подобный процессъ наблюдается нынѣ и въ душѣ русской молодежи: она просвѣтляется внутреннимъ свѣтомъ, загорается новымъ чувствомъ. Когда въ Пюхтицкомъ монастырѣ мы наблюдали, какъ наша молодежь подходитъ прикладываться къ чудотворной иконѣ Успенія Богоматери, какъ она поетъ молитвенный гимнъ «Царице моя преблагая», какъ она провожаетъ икону, уносимую съ крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ въ окрестныя села и деревни, какъ она, наклоняясь, проходитъ подъ образомъ Богоматери, намъ не было никакой нужды ни въ разговорахъ съ этой молодежью, ни въ выслушиваніи ея докладовъ и постановленій, чтобы ясно видѣть, что происходило въ ея душѣ, чѣмъ была полна ея душа. И, повторяемъ, это и есть то самое важное и самое цѣнное, чѣмъ живетъ Русское Христіанское Движеніе и чѣмъ долженъ жить каждый русскій человѣкъ. Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія. Спасеніе только въ томъ, чѣмъ подлинно живетъ сердце. Сердце молодежи осталось то же, его не замѣнили другимъ сердцемъ, но оно преобразилось, внутренне просвѣтлѣло, горитъ вѣрою и любовью. Пусть оно горитъ этимъ одинъ моментъ, только во время своего пребыванія въ Пюхтицѣ, но и этотъ моментъ не останется для него безплоднымъ. Онъ навсегда останется свѣтлымъ и дорогимъ воспоминаніемъ. И можетъ ли кто-нибудь изъ бывшихъ на Пюхтицкомъ съѣздѣ сказать, что этими словами я не выражаю ихъ общихъ мыслей и чувствъ?!

Отъ избытка сердца говорятъ уста человѣка. И то внутреннее обновленіе о которомъ мы только что говорили, посто-

янно давало себя знать въ разговорахъ и рѣшеніяхъ съѣзда. На съѣздѣ было очень много юной гимназической молодежи. Изъ нихъ теперь въ Движеніи растутъ кадры «Витязей» и «Дружинницъ», будущихъ движенцевъ, будущей обновленной русской интеллигенци. Эта молодая поросль Движенія идетъ на смѣну старымъ движенцамъ, и мы бы сказали, не обижая давнишнихъ членовъ Движенія, идетъ съ болѣе яснымъ сознаниемъ своего пути и назначенія и съ большей рѣшительностью. Она уже не удовлетворена разговорами въ своей собственной средѣ, она хочетъ нести въ міръ свою вѣру, свой идеаль. Это ясно почувствовалось и сказалось на Пюхтицкомъ съѣздѣ. Подъ руководствомъ молодой дѣвушки изъ Финляндіи и православной монахини изъ Парижа, на семинарѣ по социальной работѣ, привлечемъ къ себѣ большинство молодыхъ участниковъ съѣзда, было сказано много любопытныхъ случаевъ начинающейся въ этомъ направленіи работы, и много было намѣчено новыхъ плановъ на будущее. Мы узнали, какъ въ одной русской деревнѣ происходила подъ руководствомъ священника бесѣда молодой дѣвушки съ крестьянами о значеніи православной вѣры для русскаго народа, какъ въ другомъ мѣстѣ группа дѣвушекъ устраиваетъ праздничныя трапезы для нищихъ своего прихода, сама готовитъ кушанье и сама прислуживаетъ за столомъ, какъ въ третьемъ мѣстѣ такая же группа дѣвушекъ и женщинъ въ теченіе ряда мѣсяцевъ содержитъ бесплатную чайную для безработныхъ; какъ молодой движенецъ въ качествѣ книгоноши распространяетъ по селамъ и среди рабочихъ изъ совѣтской Россіи Евангелія; какъ въ иномъ мѣстѣ группа фабричныхъ работницъ соединяется въ православный кружокъ для изученія Слова Божія; какъ старообрядческая молодежь соединяется съ православной для чтенія Евангелія;

какъ молодежь принимаетъ на себя объ-ты повседневной молитвы и чтенія Слова Божія... Всѣ эти случаи, можетъ быть, и малочисленные, показываютъ, въ какомъ направленіи, жизненно, практически проявляетъ себя обновляющійся обликъ русской православной молодежи. На Пюхтицкомъ съѣздѣ строились широкіе планы православной работы среди фабричной и сельской молодежи, съ цѣлью отвлеченія отъ пьяства, отъ безбожія и сектантства; предполагается организациа курсовъ и заочнаго преподаванія по борьбѣ съ безбожіемъ, которое особенно распространяется въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ.

Когда это видишь и слышишь, на съѣздахъ Движенія, невольно растеть въ душѣ радостное сознание, что Движеніе ясно понимаетъ свой путь и твердо, хотя и медленно, идетъ имъ. Преображается

душа русская въ тѣсномъ, молитвенномъ единеніи со Христомъ въ Церкви, и черезъ это внутреннее преображеніе души обновляется и жизнь русская, проникаясь свѣтомъ и правдою и любовью христіанскою. И въ этомъ христіанскомъ обновленіи души и жизни полагается твердый предѣлъ воинствующему безбожію.

Уже и теперь доходятъ слухи, что безбожіе въ Совѣтской Россіи разлагается, что уже не удовлетворяется имъ душа совѣтской молодежи и ищетъ болѣе осмысленнаго и глубокаго истолкованія цѣли жизни. Иначе и быть не можетъ. И въ этотъ рѣшительный моментъ нашей русской исторіи, въ моментъ борьбы антихриста со Христомъ, намъ надо быть особенно твердымъ, ясно сознавать свой путь, всецѣло полагаясь на помощь Божию, быть вѣрными Господу до конца.

Прот. С. Четвериковъ.

«Витязи» и «Дружинницы» въ Прибалтикѣ

(Изъ информации на съѣздѣ Р. С. Х. Движенія въ Прибалтикѣ).

Въ Ревелѣ развилась работа съ «Витязями» и «Дружинницами», составляющими одно органическое цѣлое. Знамя (на одной сторонѣ — образъ св. Александра Невскаго, на другой — икона Покрова Божіей Матери) у нихъ общее, девизъ — «за вѣру, за правду» — тоже общій. Въ этомъ году былъ пятидневный съѣздъ «Витязей». На съѣздѣ было около 100 человекъ — члены 8 кружковъ. Тема съезда — «Мы и Родина». Онъ былъ построенъ по общему типу движенческихъ съездовъ — читались доклады, велись семинары. Руководители «Витязей» и «Дружинницъ» объединены въ тѣсный, крѣпкій кружокъ.

Въ Нарвѣ въ этомъ году — по типу работы въ Ригѣ — было создано «Дѣвичье Дружество», объединившее всѣ

дѣвичьи кружки. Дружество часто устраивало экскурсіи. Очень удачно прошелъ въ этомъ году «День русской дѣвушки» — традиционный годовой праздникъ Дѣвичьяго Дружества. Работа типа «Витязей» и «Дружинницъ» начата въ Юрьевѣ и Валкѣ.

Въ Ригѣ работа среди юношества — двухъ типовъ: «Дѣвичье Дружество», объединяющее дѣвичьи кружки, исключая кружки, состоящіе изъ гимназистокъ (въ этомъ году 3 кружка), и «Гимназическое Дружество», объединяющее кружки юношей и дѣвушекъ, учащихся въ гимназіяхъ. Среди мальчиковъ развивается работа «Витязей». Работа «Витязей» въ Ригѣ иного типа, чѣмъ въ Ревелѣ. Ревелѣ въ своей работѣ придерживается программы «Витязей» въ Пари-

жѣ, Рига — скаутской. Сейчасъ руководители работы въ Ревелѣ и въ Ригѣ работаютъ надъ задачей созданія единства въ работѣ.

Одна изъ руководительницъ Воскресной школы рассказала о трехнедѣльномъ лагерѣ, устроенномъ въ этомъ году для старшихъ дѣтей воскресной школы. Первый опытъ оказался вполне успѣшнымъ.

Комиссія по «работѣ среди дѣвочекъ» установила, что почти въ каждомъ городѣ Прибалтики имѣются Дѣвичьи Дружества или есть дружинницы. Программа вездѣ приблизительно одна и та же. Возникла мысль объединить это «женское Движеніе». Мысль встрѣтила поддержку. Въ результатѣ рѣшено, что теперь въ Прибалтикѣ будетъ одно «Дѣвичье Дружество», объединяющее всѣ дѣвичьи кружки. У всѣхъ будетъ общій значекъ (парижской Дружины) и общая форма. А главное, что и сейчасъ волнуетъ, какъ дивное видѣніе, — общій съѣздъ Дѣвичьяго Дружества Прибалтики.

Въ цѣляхъ объединенія педагогической

работы Движенія въ Прибалтикѣ, достигшей уже значительныхъ размѣровъ, съѣздъ принялъ рѣшеніе создать Религіозно-Педагогическое Бюро. Въ составъ бюро войдутъ отъ каждаго города по одному представителю отъ каждой формы работы, существующей въ данномъ городѣ. Бюро должно установить контактъ съ Парижемъ въ цѣляхъ сотрудничества. Для Бюро поставлены слѣдующія задачи:

1) Идеологическая работа надъ вопросами и нуждами православной педагогики.

2) Информанція - сводка опыта и печатаніе этихъ сводокъ въ «Вѣстникѣ».

3) Созданіе рел.-педагогической библіотеки и обмѣнъ книгами между городами.

4) Подготовка рел. - педагогическихъ съѣздовъ.

5) Установленіе связи съ Религіозно-Педагогическимъ Кабинетомъ въ Парижѣ для совмѣстнаго сотрудничества.

6) Подготовка созданія «Союза Православныхъ Педагоговъ».

Съѣздъ дѣтей въ Калугинѣ

Съѣздъ состоялся съ 18 до 20 августа на движенской дачѣ подъ Печерами — въ с. Калугино. Участниковъ вмѣстѣ съ руководителями было 55 человекъ — были преимущественно дѣвочки. Въ программѣ были три доклада: 1) Духовный обликъ Россіи, 2) Жизнь русскихъ ребятъ здѣсь и въ СССР, 3) Наши пути; и семинары: житійный, «Великіе люди», «Русская женщина» и «Внѣшній обликъ Россіи».

На съѣздѣ были почти всѣ участники нашихъ младшихъ кружковъ. Начался съѣздъ съ молебна. Пѣли сами ребята. Молились серьезно, сосредоточенно. На

балконѣ домика въ Калугинѣ были разставлены скамейки, столъ и стулья для председателя и секретарей. Для открытія съѣзда сказала нѣсколько хорошихъ, бодрыхъ словъ председатель — наша гимназистка Леля Гербергъ. Послѣ нея говорила Т. Е. Дезень. Секретарство вали сами дѣвочки. Ребята, дѣвочки изъ простыхъ семей, ходили такіе радостные, бодрые. На съѣздѣ вдругъ какъ-то вставали у нихъ вопросы и мысли — о будущей работѣ, о Движеніи. Поразительно, какой у нихъ правильный подходъ ко всему. Безсознательно, можетъ быть, но твердо и хорошо пришли они къ Движе-

нію. Когда послѣ съѣзда, укладывая вещи на сѣновалѣ, дѣлились впечатлѣніями съѣзда, дѣвочки говорили — работать теперь нужно, работать и работать. «Знаешь, — говорила въ бесѣдѣ по поводу съѣзда одна дѣвочка, — мнѣ никогда не было такъ хорошо. какъ на этомъ съѣздѣ. Если бы сдѣлать такъ во всемъ мірѣ. А для этого вѣдь надо, чтобы всѣ стали движенцами, намъ работать надо».

Съѣздъ окончился въ субботу. Въ воскресенье, несмотря на раннее время, — 5 часовъ утра — почти всѣ ребята пришли въ монастырь исповѣдываться и причащаться.

Что можно сказать о съѣздѣ? Удастся ли онъ?

Думается, что да. Для участниковъ съѣзда онъ не былъ забавой, чего можно всегда бояться; это была серьезная работа. Ясно было, что ребята получили силы и толчекъ для дальнѣйшей работы,

осознали ярче свои задачи и всю серьезность своей работы въ Движеніи.

На съѣздѣ были вынесены и постановленія: 1) должна быть серьезность и активность въ познаніи родины и Бога, 2) намѣчены первые практическіе шаги — организовать библіотеку изъ имѣющихся у ребятъ и у ихъ знакомыхъ книгъ; заботиться о маленькихъ ребятахъ своей улицы, одѣвать, подкармливать, читать съ ними, поставить самимъ русскій спектакль (выбрана комиссія), постараться привести въ Движеніе братьевъ и сестеръ.

Уходить со съѣзда никому изъ ребятъ не хотѣлось. Жили дружно — ни одной ссоры. На съѣздѣ были гости — скауты, съ которыми у Движенія завязываются дружескія отношенія.

Думается, что этотъ съѣздъ будетъ имѣть большое значеніе для работы среди дѣтей въ Печерахъ.

Печеры

Время до съѣзда въ Пюхтицахъ ничего особеннаго не дало. Пришло время съѣзда. Денегъ нѣтъ. Взяли ссуду и отправили всѣхъ молодыхъ работниковъ (отъ 14 до 17 лѣтъ). Споръ изъ-за Печерскаго монастыря лишилъ насъ пріюта. Остались мы буквально на улицѣ. Пришлось подумать о квартирѣ. Подыскали подходящую, но очень далеко — черезъ весь городъ надо пройти. Сняли квартиру съ 1 сентября, но денегъ нѣтъ. Рискнули на финансовый сборъ. Назначенъ онъ на 20 сентября. Условія тяжелыя. На Движеніе смотрятъ косо, на русскихъ еще того хуже, но приходится мириться съ этимъ. Попробуемъ, что выйдетъ. Помолитесь въ эти дни за насъ.

Послѣ съѣзда наша жизнь — «полна чудесъ».

Стараніями Н. Пенькина и Т. Дезень мы устроили въ Калугинѣ 3-дневный дѣтскій съѣздъ.

Переизбрали дѣловой комитетъ, котораго у насъ почти уже годъ какъ не было. Предсѣдателемъ выбрана А. Секстъ, помощницей ея З. Дондукова, секретаремъ Л. Гербергъ, ея помощница — А. Печникова, казначей — Л. Прамъ. Н. Пенькинъ и З. Кузнецова выбраны кандидатами.

Кружки сейчасъ у насъ слѣдующіе:

I. Старшій. Члены его входятъ въ другіе кружки, гдѣ и работаютъ, а собираются только для обсужденія чего-нибудь.

II. Имени св. Серафима Саровскаго — гимназистки. Занимаются изученіемъ литературы.

III. Покровскій. Тоже изученіе литературы.

IV. Женъ Мироносицъ — занимаются разборомъ св. Евангелія отъ Марка и изученіемъ типовъ русскихъ женщинъ.

V. Успенскій — заканчиваютъ разборъ притчъ.

VI. Воскресенскій — тоже. Воскресенскій второй раздѣлился на три части. Успенскій второй тоже. Образовалось три новыхъ кружка изъ двухъ. Какъ они называютъ себя и чѣмъ будутъ заниматься — еще не выяснено. Есть еще кружокъ смѣшанный — мальчики и дѣвочки - гимназистки. Этотъ кружокъ только что об-

завался.
По понедѣльникамъ въ помѣщеніи русскаго Общества Просвѣщенія у насъ бываютъ открытые доклады. Это очень подняло насъ въ глазахъ мѣстной интеллигенціи. Доклады читаемъ всѣ мы, но пока крушенія, несмотря на маленькія сравнительно силы, не терпѣли. Дастъ Богъ, такъ и впредь будетъ. Темы были: «Познаніе себя», «О Шатовѣ», «Россія по Блоку». Народу на докладахъ все больше и больше, но главнымъ образомъ молодежь гимназическая — и все больше дѣвицы. Самое главное и радостное,

наша гордость, это — кружокъ съ мальчиками. Организовали его Зина Кузнецова и Таня Свѣдзинская. Было очень трудно сначала, но послѣ перваго же собранія кружковцы, что называется, вдохновились. Рѣшили взять темой: «Исторія русской интеллигенціи». Знаемъ, что будетъ трудно, навѣрно, будутъ разочарованія, но все-таки положено основаніе работы съ мальчиками. Хотя они далеко еще не движеньцы, но Богъ дастъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ими будутъ. Гимназическій кружокъ выросъ страшно — въ немъ сейчасъ 20 человекъ. Началь и работаетъ усиленно кружокъ педагогическій. Старательно готовимся къ финансовой кампаніи. Хотя гимназисткамъ и нельзя собирать, но онѣ посильно выполняютъ черную работу. На Рождествѣ хотимъ устроить дѣтскій вечеръ. Надѣмся на сборъ. Артисты мы, пожалуй, аховые, но вѣдь недаромъ говорится: «на безрыбьи и ракъ рыба», а дѣтскіе вечера бываютъ у насъ очень рѣдко.

Намѣчается у насъ работа и въ деревнѣ, въ союзѣ въ русскими просвѣдательными обществами.

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Полная страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 >	Восьмая ч. >	10 >

Редакторъ: **И. Лаговскій.**

LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).

Tél.: Ségur 31-68.

Р. С. X. Движенія за Рубежомъ

„В Ъ С Т Н И К Ъ“

Органъ русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(шестой годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хро-
нику антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-
національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ	отд. №		на годъ	отд. №
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.—фр.	Въ Румыніи	220 лей	20 лей.
Въ Англіи	6 шил	6 пен.	(при условіи посылки заказной бан- деролью 300 лей въ годъ).		
» Бельгіи	9 белг.	0.80 б.	Въ Финляндіи	55 мар.	5 м.
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	» Чехословакіи	45 кр.	4 кр. б.
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Эстоніи	5 кр.	0.50 кр.
» Италіи	26 лиръ.	2.50 л.	» Югославіи	65 дин.	6 динар.
» Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.	Остальн. страны	1.50 ам. д.	0.15 дол.
» Литвъ	13 литъ	1.20 л.			
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.			

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію
Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ
пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказ-
номъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Приемъ рукописей, объявленій, выдача
справокъ и указаній, а также получение
подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56. East 122 nd
str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green
Str. San-Francisco Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, March-
mont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: E. Наумовъ, СОФИЯ. VII.
Ул. Стоян Заимов 13.

БЕЛЬГИЯ: Mme M. A. Petroff, Jette
St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRU-
XELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) A. Pawlowitsch, Tempel-
hofer Ufer, 18II, BERLIN, S.W. 61.

2) «Logos» 87, Markgrafenstrasse BER-
LIN S. W. 63.

3) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15
DRESDEN.

4) W. Schwehoff Bahnhofstr. 6. II FREI-
BERG I. Sa.

КИТАЙ: 1) В. Коченева, Св. Алексѣевская
церковь, Зеленый Базаръ, Большой про-
спектъ HARBIN.

2) The Magazine Shop. 601 Av. Joffr,
SHANGHAI.

ЛАТВІЯ: 1) N. Litvin, Turgeneva iela
21a, dz. 8. RIGA.

2) L. Gailit. Sosejas iela 104. DAUGAV-
PILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdow-
skie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa.

2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie
53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ: Mr Reiche, HELSINKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣст.
10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

2) A. Bogatskoy, 7, Av. Thérèsa E-
Perrimond Nice. A. M.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271.
Belohorska, Brevnov. PRAHA.

2) V. Voskobochnikov. Krajinsky urad odd.
29 Belnayova 1-3 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska
Zaboresky. BRNO.

ЭСТОНІЯ: 1) N. Golubeva. Toomvaestekooli
15-6. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kaldja.

3) S. Nikitin. NARVA.

4) A. Sekst. Pihl. TALLINN.

РУМУНІЯ: L. G. ...